

МЕХТИЛЬДА ГЛЕЙЗЕР

Книжные странники

Мехтильда Глейзер

Книжные странники

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27428411

Мехтильда Глейзер. Книжные странники: РИПОЛ классик; Москва;

2017

ISBN 978-5-386-09723-3

Аннотация

«Книжные странники» – впервые на русском языке! Книга популярной немецкой писательницы Мехтильды Глейзер, обладательницы литературной премии Seraph. Захватывающая, красочная, увлекательная книга, полная искрометного юмора и удивительных приключений.

Отправляясь на родину своей матери, остров Штомсей в Шотландии, Эми Леннокс совсем неожиданно узнает, что унаследовала семейную способность путешествовать по книгам.

Но не только ее семья владеет подобным даром. На том же острове живет клан Макалистеров, некогда враждовавший с кланом Ленноксов. Эми присоединяется к двум наследникам Макалистеров в учебе и совершает свой первый прыжок в «Книгу Джунглей». Девушка с восторгом изучает литературный мир и заводит там друзей, пока с сюжетами книг не начинает происходить что-то странное...

Содержание

Пролог	6
1	8
2	29
3	56
4	70
5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Мехтильда Глейзер

Книжные странники

Mechthild Glaser

Die Buchspringer

Title of the original German edition: Die Buchspringer

© 2015 Loewe Verlag GmbH, Bindlach Umschlagmotive:

Shutterstock

© Apostrophe/ abrakadabra/Mire, iStockphoto

© Bellott/cla78/chuwy/ coolgraphic/lillypic/Sonyspeckels

© Полоцкая Е. Л., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

«Загадки, приключения, романтика и юмор: любому читателю понравится путешествовать по книгам вместе с Эми».

Bookmark Magazine

«Захватывающая и оригинальная книга! Для читателей всех возрастов».

Buchkultur

«Мехтильда Глейзер просто кладезь идей – эта книга настоящий фейерверк».

Eselsohr

Пролог

Уилл бежал. Все дальше и дальше.

От долгого бега теснило в груди, и остров казался ему больше, чем он был на самом деле. По болоту, от края до края равнины, вниз на пляж, через кладбище, к дому Ленноксов, по деревне, к каменному кольцу, через библиотеку, обратно к своей хижине и к замку Макалистеров, окутанному туманом...

Ничего.

Рядом мчалась собака. Черные уши развеваются, следы от сильных лап отпечатываются на поверхности болота. Почему там нет и других следов? Почему его нигде не видно? Он никогда бы не оставил собаку. Он где-то здесь. Что он сказал перед уходом? Он же хотел просто прогуляться.

По узкой тропинке они поднялись к утесам – собака, а следом Уилл. Тоже никого. Ну, конечно. Не в такую же погоду! Буря разыгралась, дождь хлещет. Впечатление, будто они стоят на самом краю света. Нет, конечно, здесь заканчивается только остров. Мир же продолжается пропастью и водой, и где-то за горизонтом лежит другая земля. Буря бушует и там? За горизонтом?

Они немного постояли над морем. Одной рукой Уилл чесал за ухом собаку, а другую держал козырьком над глазами, чтобы лучше видеть. Бесплезно. Шерлок Холмс так и

НЕ ПОЯВИЛСЯ.

Чудовище спит долго, много лет.

Глубоко-глубоко, в самом темном углу своей пещеры.

Долго-долго жизнь обходит его стороной.

Чудовище грезит о том, как пробудится.

Спит оно так давно, что само существование его предано забвению.

Быть может, поначалу жители королевства еще помнили об этой ужасной твари.

Но со временем воспоминания поблекли, обратились в смутные предания.

И сейчас, когда люди напрочь забыли обо всем, настала пора Чудовищу снова открыть глаза.

1

Жил да был остров

Жили да были мы с Алексой, и мы спешно паковали чемоданы. Свитера, брюки, носки... Я вытаскивала одежду из шкафа и швыряла через плечо в раскрытый чемодан на колесиках. В соседней комнате Алекса занималась тем же. Мы почти не замечали, что попадается под руку, любимая одежда или нет. Следовало торопиться – вот в чем дело. Так мы решили. Собирались бы мы спокойно и по списку, как обычно, так сразу бы поняли, что это бредовая идея.

В моей семье одни чокнутые. Во всяком случае, Алекса всегда отвечала так на мой вопрос, почему она в семнадцать лет, со мной в животе и с одним чемоданом, покинула родную Шотландию. Просто взяла да и уехала в Германию. Беременная и несовершеннолетняя. Сбежала очертя голову, и напрямик в Бохум. Мне тоже скоро семнадцать (всего-то четырнадцати месяцев не хватает), и, видимо, я унаследовала *ген сумасшествия*. Ведь сама утром за завтраком, всего час назад, вдруг предложила Алексе уехать из страны. Мы забронировали в Интернете самые дешевые билеты и летим уже сегодня после обеда. Осталось только вещи сложить. Я торопливо выловила парочку трусов и лифчиков из ящика.

– Эми, возьми теплую куртку с капюшоном, – посовето-

вала Алекса, вкатывая в мою комнату до верха набитый чемодан и пытаясь впихнуть в него мою подушку.

В чемодане я увидела ее вельветовые брюки из экологически чистого хлопка и майку с цветным яблочным принтом от фирмы «ДаВанда».

– Вряд ли мне понадобится пуховик в июле, – пробормотала я.

Ведь мой чемодан уже основательно набит – правда, в основном книгами. Из одежды я взяла только самое необходимое. Мой девиз: лучше без вязаной кофты, чем без любимой книги.

– Ты недооцениваешь тамошнюю погоду, – сказала Алекса, оглядев мой багаж и встряхнув волосами махагонового цвета. Глаза у нее покраснели и опухли, словно она всю ночь проплакала. – Возьми с собой электронную книгу. Разве ее мало?

– Но в ней нет «Момо» и «Гордости и предубеждения».

– Ты их читала уже раз сто.

– А если я хочу в сто первый?

– Эми, поверь, на этом проклятом острове предостаточно книг. Ты не представляешь сколько.

Я погладила зачитанную обложку «Момо». Сколько раз я мечтала о том, как последую за волшебной черепахой, которая укажет мне жизненный путь. Мне нужна эта книга. Она утешает, когда грустно. Именно теперь она мне нужнее всего.

Алекса улыбнулась:

– Все-таки проверь, может, куртка еще влезет? Погода там бывает очень суровой.

Она уселась на чемодан и потянула молнию.

– Боюсь, мы зря всё это затеяли, – вздохнула она. – Ты уверена, что там единственное место, где ты сможешь отвлечься?

Я кивнула.

Крошечная лодочка качалась на волнах – море кидало ее из стороны в сторону, словно играло в мячик. В небе сверкали молнии, сгущались грозовые тучи, море обволокла жуткая серая мгла, сотканная из внезапных вспышек света, сопровождаемых раскатами грома. Дождь лил как из ведра, мутные воды с ревом оттачивали гребни волн, обрушиваясь на них с высоты. На горизонте вздымался крутой берег, об его утесы разбивались обрушившиеся одна за другой водяные горы, и все это вместе являло собой весьма впечатляющее природное действо. Вселяющее ужас и в то же время прекрасное.

Впрочем, не особенно-то и прекрасное. Беда в том, что в этой лодчонке посреди разбушевавшейся стихии сидела я, изо все сил стараясь удержаться в углу суденышке и не выпасть за борт. Брызги летели со всех сторон. Алекса пыталась спасти наш багаж, пока лодочник, который должен был нас переправить, заводил мотор.

Дождь, начавшийся внезапно, мигом промочил меня до нитки. Я озябла и хотела только одного – добраться. Все равно куда, главное, куда-нибудь, где тепло и сухо. Пока летели из Дортмунда в Эдинбург, было солнечно и ясно. Ну, видели мы облачко-другое, когда небольшой винтовой самолетик нес нас в аэропорт Самборо на Мейнленде, самом большом из Шетландских островов, однако на развитие событий в стиле конца света я вовсе не рассчитывала.

Я прикрыла глаза, пытаюсь защититься от обжигающих соленых брызг, когда новая волна, развернув нашу лодчонку, чуть не утащила с собой самодельную войлочную сумку Алексы. Держаться за борт становилось все труднее. От ледяного ветра пальцы онемели настолько, что почти не слушались. Читать в книге про бурю гораздо приятнее! Пугаешься, ужасаешься, переживаешь страшнейшие бедствия, а все равно остается ощущение, мол, *«я под теплым одеялом на диване»*. Теперь его как не бывало, мне стало ясно: настоящих бурь, в отличие от книжных, я не переношу.

Следующая волна, еще безжалостнее предыдущей, окатила меня с головы до ног. Зря я в панике попыталась именно в этот миг поймать воздух ртом, я поймала только воду в огромном количестве. Хрипя и кашляя, я пыталась избавиться от целого моря в легких, а Алекса стучала мне по спине. Сумка ее тем временем все-таки пошла ко дну. Проклятие! Но Алекса, кажется, потеряла надежду доставить наши вещи целыми на берег и даже не взглянула вслед тонущему

добрю.

– Еще чуть-чуть, Эми! Совсем чуть-чуть! – кричала она, но ветер уносил прочь ее слова, едва они срывались с губ. – Вспомни, мы ведь сами этого хотели! Мы здорово проведем каникулы на Штурмсе.

Вроде бы должно звучать радостно, но голос Алексы сел – она была в панике.

– Мы здесь, потому что сбежали, – ответила я тихо, чтобы Алекса не услышала.

Не хотелось ни себе, ни ей напоминать про подлинную причину нашего отъезда. Мы сбежали из дому, чтобы забыть! Забыть, что Доминик ушел от Алексы и вернулся к жене и детям. Просто так взял да и ушел. И чтобы забыть, как эти полоумные идиоты из моей параллели... Нет, я же решила вообще не думать об этом.

Подвесной мотор ревел наперегонки с бурей, дождь все усиливался, барабанил по голове и плечам, хлестал по лицу. Я промокла насквозь – мокрее не бывает. И все-таки я обрадовалась, когда остров и в самом деле приблизился. Штурмсей – родина моих предков. Сквозь завесу мокрых, слипшихся волос я разглядывала спасительный берег, уповая на то, что лодочник знает свое дело и мы не разобьемся об утесы.

Массивная скальная гряда с острыми зубцами казалась смертельно опасной. Она вздымалась на двадцать – тридцать метров над свинцовыми волнами, а наверху, на самом краешке, где гуляет порывистый ветер, там...

... кто-то стоял.

Сперва мне показалось, это дерево. Но вскоре я поняла, что наверху, сгибаясь под порывами ветра, стоит человек и смотрит на море. Кто-то – можно было различить короткие волосы и развевающийся плащ – наблюдал за нами сверху. Одну руку человек приложил козырьком к глазам, другую держал на голове огромной черной собаки.

Дрожа, я все оглядывалась на скалу, а лодка тем временем разворачивалась против ветра. Мы миновали прибрежные утесы и, описав дугу, пробились к восточному берегу острова. Человек, стоящий на скале, становится все меньше и постепенно пропал из виду.

Зато мы причалили к мосткам. Они наполовину погрузились в воду и подозрительно качались, но наш «капитан» в несколько приемов сумел привязать к ним лодку. Нетвердо держась на ногах, мы ступили на землю. Наконец-то!

Береговой склон скользкий, дождь продолжает лить с неослабевающей силой, но мы достигли цели! Штормсей. Само это слово несет налет некоей тайны, звучит многообещающе и чуть жутковато. Я никогда здесь не была. Алекса ни словом не упоминала об этом острове, пока в начальной школе я вдруг не обратила внимание на то, что совсем не всех детей родители обучили и немецкому, и английскому, да и мое имя как-то отличается от имен других ребяташек. Эми Леннокс. Только тогда Алекса, запинаясь, призналась в том, что мы родом из Шотландии. Вообще-то семнадцать

лет назад она поклялась сюда не возвращаться. А теперь...

Мы с трудом топали по улице, колеса чемоданов увязали в грязи. Слева и справа виднелись редкие постройки – несколько глинобитных хижин с покосившимися крышами и выпуклыми стеклами окон, за ними кое-где мерцал желтый свет. Я гадала, в которой из них живет моя бабушка, и надеялась, что ветер не гуляет хотя бы внутри этих убогих домишек, пусть по их виду этого и не скажешь.

Наш проводник, буркнув что-то про паб и пиво, скрылся за какой-то дверью. Алекса же уверенно миновала последний домишко. Казалось, она в сердцах решила повернуться спиной и к этому жалкому остатку цивилизации. Я едва за ней поспевала. Мой чемодан снова увяз в грязной луже, я изо всех сил схватилась за ручку, пытаясь его вытащить.

– Но твоя-то мама же живет в чем-то вроде... ну, такого дома? – пробормотала я, сама удивившись, отчего раньше не расспросила, что такого сумасшедшего было в моей бабушке.

«Чокнутая» может означать что угодно. Например, она ест кору деревьев, носит одежду из шишек и живет вместе с лесными зверями под открытым небом...

Вместо ответа Алекса замахала руками, указывая куда-то в темноту и подавая мне знак следовать за ней. Тут вдруг мой чемодан высвободился, поддавшись рывку, и меня обдало грязью с ног до головы. Ну, класс!

Алекса даже с мокрыми волосами выглядит сногшиба-

тельно, как будто она шампунь рекламирует, а я себе все больше казалась похожей на чудом не утонувшую крысу. Мрачно бурча что-то под нос, я, спотыкаясь, брела дальше.

Улица плавно перешла в проселочную дорогу, та оказалась еще грязнее. Огоньки остались позади, деревенька почти скрылась из виду, и только леденящий ветер дул по-прежнему вслед, проникая через мой вымокший шерстяной свитер. Капли дождя били мне в лицо, когда я догнала Алексу, и мы вместе вышли на поле.

– На утесе кто-то стоял. Ты тоже заметила? – прохрипела я. Мне никак не удавалось избавиться от ощущения, будто я вот-вот окоченею.

– На утесе Шекспира? В такую погоду? Вот уж странно, – пробормотала Алекса так тихо, что я едва расслышала. – Давай-ка возьму у тебя чемодан, – предложила она, первая оказавшись на вершине встретившегося по пути холма.

Резким движением передав ей наверх поклажу, я влезла следом и увидела, что перед нами раскинулось какое-то плато. Вдалеке опять замерцали огни, на фоне ночного неба вырисовывались башни какого-то замка, справа от нас, совсем близко, в огромном господском доме ярко светились несколько окон. Здесь дорога раздваивалась. Путь по прямой вел в глубь плато. Однако Алекса уверенно свернула направо и устремилась к кованым железным воротам, за которыми я ожидала увидеть какой-нибудь парк или усыпанный галькой подъезд к дому, может, и с фонтаном в центре.

В кино в таких усадьбах всегда бывают дорожки из гравия, подстриженные кусты геометрических форм, статуи, розы, а еще старинные кабриолеты. Ведь вздыхающей любовной парочке или отважному герою, гонящемуся за убийцей, нужны эффектные декорации... Дом за воротами даже издали выглядел роскошным. Не сосчитать, сколько эркеров украшали старинные фасады, а к небу устремлялись маленькие башенки и всевозможные дымоходы, так и цепляя грозовые облака. За окнами угадывались тяжелые шторы, сквозь них пробивались трепещущие огни свечей.

Ливень стал еще сильнее, дождевые капли слились в сплошную пелену, словно в последний миг решили спрятать от нас поместье. Но поздно! Мы ведь уже на острове, и пути назад нет.

Взявшись за фигурную ручку ворот, Алекса глубоко вздохнула.

– *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*, – наконец прошептала она и толчком открыла ворота.

– Что? – переспросила я.

– А это начало одного романа, который я здесь часто... читала, – снова вздохнула Алекса.

– Понятно, – ответила я, хотя ничего не поняла.

У меня зуб на зуб не попадал от холода, так что думать ясно я все равно не могла.

Мы поволокли чемоданы через маленький парк по дорож-

кам из гравия, мимо кустов геометрической формы, фонтана и бесчисленных кустов роз, а потом по ступеням открытой мраморной лестницы. Не хватало только старого кабриолета.

Алекса позвонила в дверь.

Внутри послышался звучный удар гонга.

Однако прошла целая вечность, прежде чем дубовая дверь открылась и из-за нее показался огромный бугристый нос. Принадлежал он одетому в костюм старику, который принялся рассматривать нас через стекла очков.

– Добрый вечер, мистер Стивенс. Это я, Алекса.

Стивенс коротко кивнул:

– Конечно же, мэм. Я сразу узнал вас. – И старик шагнул в сторону. – Вас ожидают?

– Нет. Но я хотела бы встретиться с матерью.

Еще раз кивнув, мистер Стивенс помог Алексе перетащить потрепанный чемодан через порог. Протянул руки, все в старческих пятнах, и к моему багажу, но мне удалось увильнуть. Я так долго таскала за собой этот чемодан, зачем же теперь, на последних метрах длинного пути, нагружать старика, ведь он конечно же слабее меня! Однако мистер Стивенс так строго и не по-старчески пристально взглянул на меня, что я отдала ему вещи и сунула руки в карманы. И кажется, моя поклажа оказалась для него совсем не тяжела.

– Вау! – вырвалось у меня, едва мы переступили порог дома.

Вестибюль дома превосходил размерами всю нашу квар-

тиру. Зайдя к нам в переднюю, вы очутитесь в узкой темной комнатенке с отклеивающимися обоями в цветочек. Александра, правда, постаралась сделать прихожую уютнее, повесила занавеску из бусин, поставила пальму в горшке, но ведь духа многоэтажки не утаишь. Гостиная, она же спальня Александры, кухня, выложенная плиткой по моде семидесятых годов, ванная, моя комната, где ковер от старости пошел волнами, – все это коробки, да что там – коробочки. Бетонные коробочки с крохотными окошками, и ни книжные полки, ни яркая посуда в горошек не могут скрасить их безликость.

Зато бабушкина передняя оказалась просто невероятной. Потолок выгибался куполом так высоко над нами, что при попытке разглядеть его роспись могла закружиться голова. Художник, однако, изобразил там не пухленьких голых ангелочков в облаках или что-нибудь подобное, а людей с книгами. Одни читали, другие указывали на заполненные до отказа книжные полки, третьи лежали, накрыв лица развернутыми книгами. Между ними, повторяясь, красовался герб: на винно-красном фоне стопка книг, на книгах высится зеленый олень с ветвистыми рогами. В центре вестибюля красовалась люстра с рожками из нанизанных одна на другую золотых букв. Обшитые деревянными панелями стены украшали канделябры, развешанные на равном расстоянии друг от друга, между ними опять-таки герб с оленем. Пол покрыт пестрым восточным ковром с орнаментом из незнакомых мне знаков, а на противоположной стороне вестибюля

вела вверх лестница, чьи резные дубовые перила имели форму книг. Мне подумалось, что любовь к чтению у меня от бабушки.

– Будьте любезны, следуйте за мной. Вашим багажом я займусь позже, – улыбнулся мистер Стивенс.

Для человека его возраста Стивенс держал спину необычайно прямо. Он не производил ни малейшего звука, ступая по дорогим коврам начищенными до блеска туфлями.

А мы оставляли за собой следы вязкой грязи.

– Э-э... может, мы лучше в носках?.. – шепнула я Алексе.

Но та с отсутствующим видом покачала головой. Только теперь я заметила, как она изо всех сил вцепилась в ткань своего пальто. Закусила нижнюю губу, скользя рассеянным взглядом по сторонам.

Ну, ладно! Чтобы поспеть за дворецким, мы ускорили шаг. Жгучий стыд охватывал меня за всю ту грязь, что мы натащили в самый великолепный из виденных мною когда-либо вестибюлей, так что я старалась не наступать на ковры. Блестящий деревянный настил все же легче мыть. Правда, и поскользнуться на нем проще. Уже через несколько шагов из-за слоя мокрой грязи на подошвах кроссовок я поскользнулась и потеряла равновесие. Пытаясь удержаться, я замахала в воздухе руками, причем угодила прямо в застывшую не хуже цемента прическу бедного мистера Стивенса и ухитрилась ее растрепать, но все равно хлопнулась на мягкое место. Дурацкая грязюка!

Дворецкий обернулся и, подняв брови, наградил меня недоуменным взглядом через сползшие на нос очки, не сказав, впрочем, ни слова. Волосы у него на затылке встали дыбом, словно перья какаду.

– Извините, – пробормотала я.

Алекса молча протянула мне руку и помогла подняться. Ей не впервой, со мной вечно случается что-то похожее, в таких случаях она сочувственно называет меня своим *Жирафенком*: руки и ноги меня не слушаются, как будто они слишком длинные. В компании своих ровесниц я и вправду часто чувствовала себя жирафихой, ведь в последние годы их фигуры обретали женственные формы, а я становилась все более долговязой. Просто нескладная жирафиха на роликах.

Я снова потащилась за Алексой и, чтобы сохранить хоть частицу достоинства, сдержала желание потереть ушибленное место. Мистер Стивенс двинулся вперед, а его волосы, как ни странно, опять оказались идеально уложены. Мы уже пересекли вестибюль, и старый дворецкий повел нас через обшитую деревом дверь по длинному коридору, вверх по лестнице и вновь по коридору... Я уже заволновалась было, что в жизни не найду выхода из этого дома, если потеряюсь, как мы наконец добрались до гостиной, где стоял обтянутый шелком диван.

– Прошу вас.

Дворецкий, предложив нам сесть, принялся разжигать

большой камин. Садиться мы не стали, ведь куда приятнее было подойти к разгоравшемуся огню. Мы с Алексой постарались встать как можно ближе к теплым языкам пламени, а мистер Стивенс ушел. Огонь тихо потрескивал, согревая меня. Легкими уколами тока тепло расплзлось по рукам и лицу. Зажмурившись, я наслаждалась красно-оранжевым свечением, которое видела даже с закрытыми глазами. Только мокрая одежда, словно панцирь, долго не пропускала тепло.

Не знаю, сколько я стояла там, надеясь, что тепло охватит меня с ног до головы, может быть, всего несколько мгновений. Во всяком случае, мистер Стивенс вернулся слишком быстро.

– Мэйред Леннокс, леди Штормсей, – объявил он.

Мне пришлось открыть глаза и отвернуться от камина.

Видимо, как и все женщины нашего рода, моя бабушка была высокого роста. Даже выше Алексы и меня. Или просто казалась такой из-за собранных в пучок седых волос? Ее темные глаза, окруженные сеточкой мелких морщин, были такими же, как у нас с Алексой. Нос чуть длинноват, а губы чуть узковаты. Но когда-то она, наверное, была красавицей. В платье темно-зеленого шелка, с белым, скрепленным брошью воротничком, бабушка, как и ее дом, словно происходила из другой эпохи. На шее у нее, на ленточке, висели маленькие очки для чтения в оправе, украшенной красными камушками.

Некоторое время они с Алексой молча смотрели друг на друга. Алекса в промокшей насквозь и слишком яркой одежде стояла, вцепившись в пальто так, что из него выступили крупные капли воды. Для меня Алекса всегда была воплощением Пеппи Длинныйчулок, только еще и вегетарианкой. Сильная, смелая, не такая, как все. Мать, которая не обращала внимания, если кто-то презрительно фыркал, когда она по дороге в детский сад громко распевала песенки вместе с пятилетней дочкой, балансируя на каком-нибудь узком парапете. Нервничать – это не по ней. Но сейчас она явно нервничала.

Алекса облизнула пересохшие губы, а бабушка перевела взгляд на меня. Она долго рассматривала меня, и между нами словно повис невысказанный вопрос, но я знать не знала какой. Алекса по-прежнему молчала. Я сглотнула, и леди Мэйред вопросительно вскинула брови.

Позади нас тихо потрескивал огонь, дождь барабанил в окна. Розы и кусты в саду мужественно боролись с разбушевавшейся стихией.

Вода стекала с наших волос и одежды, образуя лужицы у ног. Бабушка вздохнула, и крылья ее носа затрепетали.

Алекса молчала.

Просто невыносимо!

– Э-э-э... в общем, я Эми, – вырвалось у меня в конце концов. – Рада знакомству с тобой, то есть, конечно, с вами, – пролепетала я и, поскольку леди Мэйред не ответила сразу,

добавила для верности: – Миледи.

Всем известно, что люди благородных кровей часто ведут себя странно, когда дело доходит до титулов. Не удержавшись, я согнула колени, изобразив какое-то подобие книксена. Не слишком изящно получилось. И я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо.

Бабушка изогнула рот в подобии улыбки.

– Так она твоя?.. – спросила она Алексу. – Как это может быть?

Шагнув ко мне, она кончиками пальцев провела по моей щеке и подбородку.

Алекса кивнула:

– Я рано забеременела.

– Ах да, – сказала леди Мэйред и теперь уже улыбнулась по-настоящему. – Что ж, Эми, тогда я твоя бабушка, – объявила она. И продолжила, как мне показалось, по-гэльски: – *Seud mìle fàilte!* – К счастью, она тут же вернулась к родному языку: – Добро пожаловать в дом Ленноксов, Эм...

– Не надейся, – прервала ее Алекса. – Мы вернулись сюда не для этого.

– Нет? Для чего же? – удивилась бабушка.

Алекса тяжело вздохнула, будто ей стоило больших усилий говорить с матерью.

– Нам надо было уехать, и мы не знали куда, – начала она. – Может, и опрометчиво, но... в общем, мы хотим остаться здесь ненадолго и отдохнуть, вот и все. У Эми сей-

час летние каникулы. Неделя-другая – и нам пора домой.

Разумеется, Алекса знала, что я ненавижу ту школу. Видеть своих «друзей» я не хотела никогда больше. Впрочем, приняв решение немедленно покинуть страну, мы не обсудили на какой срок. Может, нам придется когда-нибудь вернуться в Германию. Я все еще собиралась через три года поступать в университет на медицинский. Но что сейчас об этом волноваться? К тому же и бабушка отвергла возражения мамы одним движением тонкой, изящной руки.

– Если хотите остаться, ты знаешь мое условие. Она должна читать. Пока вы здесь, она будет читать, а когда каникулы закончатся, пусть сама решает, что дальше.

– Читать? В каком смысле? – удивилась я. – Почему я *должна* читать?

Алекса вздохнула:

– Это долгая история, золотко. Связано с нашей семьей, но ничего важного. Мы...

– Она не знает, – глухо сказала бабушка. – Она ничего не знает. – И сморщила губы, словно откусила кусок лимона.

– Чего именно я не знаю?

Леди Мэйред приготовилась отвечать, но Алекса окончательно преодолела свою странную нервозность.

– Не надо сегодня вечером, хорошо? – попросила она бабушку. – У меня сейчас просто нервов не хватит. Эми насквозь промокла и едва не ооченела, да и я тоже. Последние недели были для нас тяжелыми... что уж говорить про доро-

гу сюда в такую бурю. Давай продолжим разговор завтра.

Сначала мне показалось, что бабушка намерена возразить. Однако она заметила, что я вся дрожу.

– Хорошо, – согласилась она. – Мистер Стивенс приготовит вам комнаты и наберет ванну.

Вскоре мы с Алексой лежали в ванне размером с бассейн. Если встать, то вода доходит до пояса; если сильно не раздвигать ноги, то от одного края до другого можно даже проплыть, сделав руками один-два гребка. Впрочем, мы слишком устали, чтобы заниматься спортом. Лучше понежиться в горячей ванне, отогреть наши онемевшие пальцы. Между нами вздымались горы душистой пены. И даже в этой ванной, отделанной мрамором, под потолком висела люстра с золотыми буквами.

На пути по запутанным коридорам дома я спросила Алексу, почему они с леди Мэйред спорили, читать мне или нет. Ведь ответ подразумевается сам собой: на каникулах я точно не могу *не читать*. Годами я только тем и занималась, что осваивала содержимое городской библиотеки. Но Алекса лишь пожала плечами:

– Ты же знаешь, Эми, в этой семье все чокнутые.

Обессиленные, мы покачивались в воде, и жар, слегка обжигая мою заледеневшую кожу, постепенно проникал в самую глубь тела. Я погрузилась в воду, расслабилась и смотрела, как колышутся в воде мои длинные, спутавшиеся воло-

сы. Их рыжеватый отлив – жалкая пародия на рыжую копну Алексы, а на мокрых волосах его и вовсе не разглядишь. Но все равно я воображала себя морской звездой на дне тропического моря. Вот это жизнь – ничего не делать, лишь отдаваться теплomu течению.

Только я сообразила, что быть актинией не так уж и весело, ведь без книг на дне морском я быстро заскучаю, как по спокойной воде пошли круги – Алекса пошевелилась. Пересекла ванну вплавь, вдохнула воздух поглубже и нырнула. Почти две минуты она оставалась под водой, а когда вынырнула, глаза у нее были такими, будто она едва сдерживается, чтобы снова не заплакать. Может, Алекса проклинала день, когда на ферме, где работала, она подвернула ногу, а в травматологическом пункте шину ей наложил красавец врач. Доминик скоро проник и в ее сердце, и в наш дом. Они не прожили вместе даже года, хотя он сразу стал частью семьи. Жарил себе и мне стейки на нашей кухне, где обычно царила вегетарианская пища. Ходил с нами кататься на коньках... Я по нему скучаю. Он единственный, по кому я скучаю.

– Мы замечательно проведем каникулы на Штормсее, – успокаивала я Алексу ее же словами. Но я и сама думала так же. Ничего нет хуже, чем сидеть дома, ведь там все напоминает обо всем. Там для Алексы все связано с Домеником, а я могу встретить кого-нибудь из своей школы, где не жди сочувствия, если у тебя слишком много пятерок и слишком маленькая грудь.

Алекса смахнула слезы.

– Да, – улыбнулась она. – Ты права. – Посмотрела на меня долгим взглядом, вдруг усмехнулась и подтянула к себе гору пены. – Эми, не правда ли, отпуск лучше всего начинать старым добрым сражением с пеной?

Улыбнувшись, я тоже «вооружилась» пеной...

Когда я засыпала, укутавшись теплым одеялом, то слушала шум бури за окном. Сквозь вой и рев ветра как будто доносились рыдания какого-то ребенка. Может, кто-то плачет ночью на болоте? Нет, конечно же мне это просто почудилось.

Принцесса жила в замке с серебряными зубцами и разноцветными окнами.

Замок тот возвышался на холме, откуда видно было все королевство.

Каждый день поднималась она на вершину самой высокой башни и смотрела вдаль.

Принцесса знала свое королевство от края до края.

Но лишь издали, ведь она никогда не выходила из замка.

Она не покидала его с той поры, как умерли Король-отец

и Королева-мать.

Луга и озера казались Принцессе слишком опасными, леса – слишком непроходимыми.

В старых сказаниях, которым не верил никто из ее подданных, говорилось, что где-то глубоко в пещере таится Чудовище.

Принцесса боялась Чудовища.

2

Тайная библиотека

Утром я проснулась от кошмара – во сне меня преследовали фотографии, меня мучили насмешками. Снято на телефон так называемой подругой: я в бассейне, в кабинке для переодевания, на мне купальник без верха. Фотографии выложены в группу нашей параллели на Фейсбуке.

«Участвуешь в программе „Операция «Красота»“?» – такой комментарий оставил Пауль.

Как будто мне, чтобы начать жить по-нормальному, надо несколько раз лечь под нож пластического хирурга в прямом эфире. Во сне я, запершись в школьном туалете, тихо ревела.

И в жизни тоже.

Йолина действительно сделала фотографии и действительно разослала их через Фейсбук, так что даже самый ленивый увидел меня голой и посмеялся. Как глупо, как по-детски!

Но все равно очень больно.

Главное, я ведь думала, что мы с Йолиной подруги. А она, наверно, решила перейти на сторону моих недругов и не общаться со мной, зазнайкой, занудой, книжным червем. Алекса повторяла снова и снова: они не правы, все их слова чушь, я, мол, и красивая, и славная, да и человек прекрас-

ный. Да, знаю я, ребята все это делают из зависти к моим отличным отметкам и свободному английскому, и они стараются меня унижить. Но втайне, в глубине души, я все равно им немножко верю. Как ни глупо, а у меня в душе имеется болевая точка, крохотная дырочка, через которую вытекает уверенность в себе.

Но я поклялась себе, что не дам себя уничтожить. Просто забуду о фотографиях и насмешках. И Штормсей мне в этом поможет.

Решительно отогнав ночные кошмары, я обнаружила, что лежу в кровати с балдахинном. Над моей головой клетчатая красная ткань сходится волнами, а по четырем сторонам расходуется и опускается тяжелыми шторами. Моя кровать – что-то вроде маленькой комнатки внутри обычной комнаты. Вроде кокона, в который я завернулась, ну, конечно, с электронной книгой у подушки. Почти как в детстве, когда я строила пещеру из старых одеял и пряталась в ней с любимыми книжками. Я еще немного повалялась, разглядывая солнечных зайчиков, они то тут, то там проникали через просветы штор и рисовали узоры на вышитом одеяле. Но пора вставать.

Комната для гостей, куда меня поместил мистер Стивенс, была не особенно велика, но обставлена так же роскошно, как и весь дом. Темно-красные шелковые обои, на них поблескивает цветочный узор, кресло с позолоченными ножками, зеркало над комодом и широкий, выложенный подуш-

ками подоконник, где удобно сидеть и любоваться парком и болотами вдаль.

Мой грязный чемодан казался в этой комнате чужаком. Я слишком устала, чтобы его распаковывать вчера. Я и сейчас вытащила не глядя кое-что из одежды, хватит мне тут джинсов, футболки и длинной вязаной кофты. Мой гардероб и так не отличается разнообразием: в отличие от Алексы, я не ношу цветных платьев и кружевных колготок. Мои любимые цвета – коричневый, хаки и черный.

Прямо напротив кровати расположена дверь в нашу с Алексой ванную. Край раковины, как и полку над нею, уже заняли ряды баночек с экологически чистыми кремами и косметикой, заколки с цветочками и пестрые ленты для волос. Алекса успела обустроиться! А сейчас, наверно, завтракает.

Кстати, я тоже проголодалась, ведь, кроме бутербродов днем в Дортмундском аэропорту, я ничего не ела. Я залезла в душ, затем быстро оделась. Мокрые волосы собрала в конский хвост. И вышла в коридор на поиски чего-нибудь съестного.

Поиски сразу же увенчались успехом. Уже через несколько шагов дорогу мне подсказали сердитые голоса Алексы и бабушки, доносившиеся откуда-то неподалеку. Увы, они кричали друг на друга. Сперва я слышала только неразборчивую ругань, но чем ближе подходила, тем явственнее различала слова.

– ...не можешь ее заставить! – кричала Алекса. – ...вообще сюда не приезжали, если б я знала...

А бабушка в ответ:

– ...ты вообще думала?.. наследие нашей семьи... не можешь скрывать!

– ...плевала я на наследие!

– Если вы хотите остаться!..

– ...а-а-ах!

Я спустилась по винтовой лестнице, свернула в очередной коридор, и голоса стали четче. Казалось, они доносятся из самой дальней комнаты.

– Но она же любит читать? – вопрошала леди Мэйред. – Почему ты сопротивляешься? Бьюсь об заклад, ей понравится.

– Ты что, забыла, что случилось там со мной?

– Конечно же не забыла. Но ты просто выбрала неподходящую книгу. Вот и все.

– Совсем не все. Это ужас! Эми я такого не желаю. Ей те книги ни к чему.

Я подошла ближе и распахнула дверь, за которой надеялась найти обеих. Алекса и леди Мэйред сидели в каком-то зимнем саду за столом, а на нем наставлена куча еды: тосты, сосиски, грудинка и варенье. Еще я разглядела целую стопку блинов. В животе громко заурчало. Но сначала надо узнать, почему ссорятся Алекса с бабушкой.

– Что случилось? Какие книги мне ни к чему?

Вздрогнув, Алекса чуть не выронила надкушенный кусочек хлеба. Леди Мэйред улыбнулась:

– Доброе утро, Эми. Как тебе первая ночь в доме Ленноксов?

– Хорошо, – ответила я. – Мне... мне понравилась кровать с балдахином.

– Приятно слышать. Не пора ли тебе позавтракать? – Бабушка указала на свободное место за столом. – Мы, к сожалению, не заготовили привычную вам еду. Кое-какие продукты уже заказаны в Лервике, но их привезут только завтра. А пока не хочешь ли гренку?

Поблагодарив, я положила себе на тарелку и сосиску, и кусочек грудинки:

– Я не вегетарианка.

Вообще Алексе не особенно нравилось, когда я ела мясо, но она понимала, что мне требуется больше калорий, чем ей, ведь они молниеносно сжигаются. И я жила по простому принципу: уж если будет случай слопать что-нибудь пожирнее, я его не упущу.

Но сейчас Алексе, кажется, все равно, чем я там питаюсь. Она продолжала буравить бабушку взглядом. И скрипела зубами.

А вот леди Мэйред с удовольствием наблюдала, как я запихиваю в себя еду.

– Мама тебе пока не рассказывала, но у нас здесь особенная библиотека. Очень большая и очень... тайная, – начала

она после паузы. – Многим текстам в ней более двух тысяч лет, они происходят из знаменитой Александрийской библиотеки. Наши предки спасли их от пожара, а потом основали библиотеку на Штормсее. Хочешь туда заглянуть? Там есть бесценные издания.

Я вопросительно посмотрела на Алексу, но та пыталась убить свою мать взглядом и ничего не сказала. Да разве это дурно – заглянуть в библиотеку, к тому же принадлежащую твоей собственной семье?

– М-м-м... да, – промычала я с набитым ртом.

– Замечательно, – кивнула леди Мэйред. – Мистер Стивенс сейчас проводит тебя.

– Не возражаю. – С этими словами я взяла еще блинчик. Алекса готова была лопнуть от злости.

– Хорошо же! – воскликнула она. – Пусть попробует. Но с одним условием...

Леди Мэйред подняла брови:

– Каким же условием?

Алекса так сильно вцепилась в край стола, что ее пальцы побелели.

– Ей дадут детскую книгу, – заявила она. – Совершенно безопасную. Ту, в которой с ней ничего не может случиться. Я серьезно. Ей дадут детскую книгу... или мы уезжаем сегодня же...

– Господи... – пробормотала бабушка.

Честно сказать, я подумала то же самое: «Господи... Вот

он, семейный *ген сумасшествия*. Теперь он управляет Алексой».

Вышеупомянутая библиотека располагалась не в доме Ленноксов. Она вообще располагалась не в доме. Мистер Стивенс, который сегодня, судя по блеску, смазал волосы дополнительной порцией геля и стал абсолютно неуязвим для всех атак неуклюжих гостей, повел меня через болото. Я было решила, что мы направляемся в замок на другой стороне острова, где, по словам бабушки, живет семья Макалистеров. Но дворецкий остановился перед каким-то холмом, на вершине которого виднелись огромные валуны. Сложенные в виде ворот, они стояли кругом, как в Стоунхендже, их пористая серая поверхность поросла мхами и лишайниками. Однако мистер Стивенс направился не к этим памятникам древности, а ко входу в пещеру у подножия холма.

– Здесь, – только и произнес он.

Он вытащил горящий факел из крепления в скале и торжественно объявил:

– Мэм, сейчас мы войдем в *Тайную библиотеку*.

– О... о'кей? – вопросительно протянула я, под его строгим взглядом не осмелившись возражать. К тому же мне понравилось, что он обращается ко мне «мэм».

Мы прошли несколько метров вверх по каменному коридору, но в середине холма он внезапно закончился. Зато появились выдолбленные в скале ступени, ведущие вниз. Я

шла за мистером Стивенсом в темноту, держась за шероховатую стенку скалы.

Лестница оказалась крутой. И длинной.

Казалось, мы спускались целую вечность, шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Библиотека располагалась не *внутри* холма с его кольцом из валунов, как я предполагала. Она была *под* ним! Глубоко, очень глубоко. Мы так долго погружались в недра острова, что, наверно, оказались ниже уровня моря. Мне почудился далекий шум волн. Кому взбрело в голову расположить библиотеку в таком месте?

Лестница оборвалась так же резко, как и началась, и мне в нос ударил запах старой бумаги. Вот они, стеллажи. Выполнены из темного дерева, высотой около трех метров каждый. На ровном расстоянии друг от друга узенькие передвижные стремянки. Полки прогибаются под весом фолиантов и старых книг в кожаных переплетах, там же я обнаружила и карманные издания, и пожелтевшие свитки. Проходы между стеллажами ответвляются во все стороны. Верно говорила леди Мэйред: библиотека древняя и гигантская. Полная манящего шепота историй, которые только и ждут читателя, полная шелеста обещаний, висящих в воздухе. Сколько приключений сокрыто здесь на пожелтевших от времени страницах, сколько сказаний о великой любви, сколько легендарных битв! Я сразу влюбилась в это место. Вот бы мне остановиться и приласкать эти книги, может, взять какую-нибудь в руки да перелистать, почитать о деяниях тра-

гического героя... Я замедлила шаг, но мистер Стивенс все вел меня в глубь библиотеки по лабиринту ходов.

Между полками кое-где теплились лампы, но света не хватало, чтобы определить размер и конфигурацию пещер. За одним проходом сразу начинался другой. Но вот наконец расстояние между полками-стенами стало шире, образуя что-то вроде комнаты, немного напоминающей старомодный класс: повсюду изъеденные червями парты с откидной крышкой над ящиком, куда можно складывать тетради. Ну да, это и вправду оказался класс, причем – и это особенно меня поразило – не пустой.

За первой партой сидели юноша и девушка, мои ровесники, а у доски стоял лысый человек в монашеской рясе. Мне почудилось, будто внутри меня сжал невидимый кулак. Но я заставила себя идти дальше.

– Добрый день, Глен. Я привел к вам Эми Леннокс. Леди желает, чтобы ее внучка приняла участие в занятиях. Вас известили об этом? – спросил мистер Стивенс, а лысый у доски кивнул:

– Да-да, большое спасибо. Мы вас ждали.

Занятия? В голове у меня зазвенел тревожный звоночек. Здесь и вправду школа. А я новенькая. Да еще и в каникулы, премного благодарна! Во рту появился горький привкус. Здесь я хотел отвлечься от всего, а не... Волосы у девушки на первой парте такие же светлые, как у Йолины. Я едва не поперхнулась.

Учитель поманил меня к себе. Брови у него колосились так пышно, как будто пытались возместить отсутствие волос на голове. Лоб украшал узор из бугристых зубчатых шрамов, паутиной поднимавшихся выше, на лысину. Поверх левого глаза – повязка. Притворившись, будто не замечает моего испуганного взгляда, он пожал мне руку.

– Меня зовут Глен, и я уже много лет обучаю членов семей Ленноксов и Макалистеров, – сообщил учитель. – Хорошо, что среди нас опять представительница Ленноксов. – Он указал на учеников: – Это Бетси и Уильям Макалистеры, дочь и племянник лорда. Это Эми Леннокс, внучка леди.

– Здрасьте, – буркнула я.

– Привет.

Блестящие волосы девушки поддерживал обтянутый шелком обруч, ресницы были густо покрашены иссиня-черной тушью. Она оглядела меня с головы до ног. Юноша же, напротив, быстро кивнул, улыбнулся и продолжал писать в тетради. Его темные волосы топорщились во все стороны, слово эту ночь он провел на улице под ливнем.

Пока эта парочка подчеркивала что-то в сонетах Шекспира, мы с Гленом отошли к полкам в дальнем углу класса. У меня наконец появилась возможность полюбоваться на книги по отдельности, рассмотреть их кожаные переплеты с тисненными золотом буквами. Вот «Алиса в Стране чудес», а рядом «Рони, дочь разбойника», «Волшебник страны Оз» и «Бесконечная история». В переплете из красной кожи я раз-

глядела «Книгу джунглей».

– Представители кланов Ленноксов и Макалистеров читали издавна, но совсем не так, как другие люди, – начал Глен. – Ведь с древних времен в ваших семьях из поколения в поколения передавался особый дар. Потому они и делят эту библиотеку.

– Угу, – пробурчала я, и Глен вздохнул:

– Знаю, ты понятия не имеешь о том, что я пытаюсь объяснить. Леди сказала, твоя мама держала все от тебя в тайне. Мне кажется, будет лучше просто показать, о чем речь. Перейдем сразу к делу, но одно тебе следует знать заранее: семьи Макалистеров и Ленноксов не всегда жили в мире на этом острове. Со времен Средневековья они вели жестокие, кровавые распри, а около трех сотен лет назад их вражда достигла предела. В разгоревшемся пожаре среди прочего погиб один особенно ценный манускрипт, единственная запись легенды, с тех пор навеки утраченная. Именно тогда семьи заключили перемирие и посвятили себя защите литературы и охране книг, которые ты видишь перед собой. Потому мы и устроили библиотеку так глубоко под землей и держим ее существование в секрете от всех, кто не является членом одной из этих двух семей или лицом, заслужившим их доверие. Все, что делается нами и отныне будет делаться тобой, призвано служить делу защиты литературных сюжетов. Прежде чем мы начнем, ты должна пообещать...

Красный переплет «Книги джунглей» заманчиво поблес-

кивал у меня перед глазами. «Прочитай меня, – так и кричала книга в моей голове. – Прочитай!»

– Эми?

Я потянулась к книгам, но в последний миг мне удалось удержаться и не схватить попросту какую-нибудь из них. Я быстро отдернула руку, смущенно переступая с ноги на ногу и притворяясь, будто хотела почесать щеку. Но умудрилась при этом задеть прислоненную к стеллажу стремянку, та повалилась набок и с оглушительным грохотом упала на пол. Я залилась краской, а со стороны школьных парт до меня донеслось презрительное фырканье.

Губы Глена дрогнули, будто он попытался скрыть улыбку, но тут же учитель снова дружелюбно, но строго посмотрел на меня. И, откашлявшись, пошел прочь, словно ничего не произошло.

– Ну что, Эми? – спросил он.

– Ч-ч-то?

– Клянешься ли ты при чтении книг служить делу защиты литературных сюжетов и не делать ничего, способного их нарушить или изменить?

– Э-э-э... само собой, – подтвердила я. Как, простите, можно нарушить сюжет в процессе чтения?

– Хорошо, – улыбнулся Глен. – Твоя мать пожелала, чтобы ты выбрала одну из этих книг. Тебе уже что-нибудь приглянулось?

Через полчаса Глен, Бетси, Уилл и я вошли в каменное

кольцо на вершине холма. В руках я держала «Книгу джунглей» в тяжелом красивом переплете. Во время подъема я, конечно, поскользнулась на мокрой траве, но книгу мне все-таки удалось спасти от падения в грязь. Зато мои джинсы на коленках теперь украшали буро-зеленые грязные пятна, и я чувствовала себя особенно неуклюжей рядом с Бетси, которая грациозно вступила на вершину, и Уиллом, замыкавшим нашу маленькую группу как случайный попутчик на прогулке. Я удивлялась, почему читать нужно обязательно здесь, на холме, где гуляет обжигающе холодный ветер. Бетси и Уилл тоже несли под мышкой по книге, а Глен прихватил плетеный пляжный коврик, который он расстелил прямо в грязи под каменными воротами. И скомандовал:

– Уилл, давай-ка ты первый.

– С удовольствием, – ответил юноша.

Голос у Уилла оказался ниже, чем я ожидала, а глаза – того же цвета, что небо над нами. Синее, грозное. Был он высокий и худой, как я, но при этом жилистый, отчего и казался крепким. Он деловито подошел к коврику, улегся на нем так, что голова оказалась точно под каменными воротами. И накрыл лицо развернутой книгой. На обложке я увидела изображение огромной собаки. «Собака Баскервилей», – значилось над картинкой. Это был роман о Шерлоке Холмсе. Сюжет я знала, четыре года назад мне подарили такую же книгу на Рождество. Только собака не выглядела так жутко. Пока я всматривалась в обложку, она вдруг слегка поехала вниз, и

книга приземлилась на коврик, а страницы ее на мгновение вспыхнули ярким светом.

Я моргнула. Нет, быть такого не может! Я моргнула снова, не понимая, что происходит перед моими глазами. Но ничего не изменилось: Уилл исчез, а книга все так же лежала в кольце из камней.

– Что это?! – вырвалось у меня.

– Эти камни создают книжные врата – *Porta Litterae*, – объяснил Глен. – Здесь расположен вход в мир литературы.

– Но как же...

У меня просто в голове не укладывалось, что Уилл за секунду растворился в воздухе.

– Он сейчас в своей книге, – надменно усмехнулась Бетси. – Не беспокойся, это для нас обычное дело.

Я было открыла рот, но закрыла снова, не зная, что ответить. Глен похлопал меня по руке:

– Знаю, в это трудно поверить. Но члены ваших семей обладают этим даром. В возрасте от пяти до двадцати пяти лет все вы можете проникать в книги и следить там за порядком. Каждый из вас до окончания школы ответствен только за одну книгу, впоследствии вам придется защищать весь книжный мир. Бетси, например, с десяти лет заботится вот об этой книге сказок. Сейчас она запрыгнет в «Белоснежку».

Бетси тряхнула челкой:

– Сложности с одним из гномов, он собрался бросить остальных и открыть кафе-мороженое. Неделями уже пыта-

юсь его образумить. «Белоснежка и шесть гномов» – это звучит очень по-дурацки.

– Э-э...

Они что, смеются надо мной?

Бетси неторопливо легла на коврик и открыла книгу.

– Мы вернемся, – сказала она. – Не беспокойся, Эми. Может, у тебя вообще ничего не выйдет. Еще ни один книжный странник не начинал тренировки в твоём возрасте. Очень может быть, что уже поздно.

– Сейчас мы все и узнаем, не правда ли, Эми? – спросил Глен и ободряюще улыбнулся мне.

Бетси пожала плечами и положила поверх своего лица раскрытую книгу сказок. Мгновение – и девушка тоже исчезла. Снова послышался шелест страниц, и книга приземлилась на коврик. У меня пересохло во рту.

– Книжные странники? – прошептала я. – Эти двое на самом деле сейчас оказались внутри книг?

Звучит абсурдно. Это не может быть правдой.

– Да, – подтвердил Глен. – А теперь твоя очередь. Просто открой книгу там, куда хочешь попасть, и делай так же, как они.

– Вот уж не знаю... – пробормотала я.

Может, это какая-то бредовая шутка? Ритуал посвящения? А Уильям и Бетси сейчас снимают все из кустов на телефон, чтобы посмотреть, как нелепо я буду себя вести?

Глен расценил мои колебания по-другому.

– Ты точно справишься, – улыбнулся он. – Я не согласен с Бетси. Ты же из рода Ленноксов, в конце-то концов. А если испугаешься, то всегда можно вернуться, надо только снова прийти на ту страницу, через которую ты попала в книгу.

– Но как... но как долго? И что мне там... – беспомощно лепетала я.

Чушь какая-то! Нельзя в один миг исчезнуть, а в следующий миг стать персонажем книги!

– Эми, я тоже не знаю объяснения, – вздохнул Глен, поскольку я не двигалась с места. – Но члены ваших семей делают так сотни лет, и как-то оно все получается. И пока что все возвращались. Бояться нечего, твоя мама уже позаботилась, чтобы на первый раз ты оказалась в совершенно безопасной книжке. Давай-ка попробуй, осмотрись там немного да возвращайся туда, откуда пришла. Вот тогда мы и узнаем, понравилось ли тебе там.

Я разглядывала коврик под каменными воротами, потом долго смотрела на Глена, пытаясь усмотреть на его лице доказательство обмана. Но не нашла. Он что, серьезно? Члены моей семьи обладают особенным даром? Получается, я тоже им обладаю и способна путешествовать по книгам? Верить в это смешно, но ведь и соблазнительно. До сих пор я только в смелых фантазиях оказывалась в мире восхищавших меня литературных героев. А вдруг сейчас можно и в самом деле попасть туда?.. Я погладила мягкую красную кожу книги, которую держала в руках, провела пальцем по легким углубле-

ниям тисненых букв названия. «Книга джунглей». Никогда не была в джунглях. Уж тем более в таких, где живет медведь Балу. И я улыбнулась.

Глен кивнул и указал на коврик:

– Просто попробуй.

Я легла, положив голову точно под каменные ворота, как Бетси и Уильям. Почти не задумываясь, что вообще делаю. Бред какой-то, я даже поймала себя на том, что нервно хихикаю. И все-таки развернула книгу и закрыла ею лицо. Бумага мягко скользнула по щекам, закрыв мне вид. Буквы оказались слишком близко – не прочитаешь. Расплывались пятнами черной типографской краски. Кружились перед глазами, меняя очертания. Слова изгибались, расцеплялись, расцветали... Падали на меня каплями, словно я попала под дождь из слов...

И вдруг я поняла, что лежу между корнями гигантского дерева в девственном лесу. Вокруг меня бушевала листва всех оттенков зеленого цвета. Лианы обвивали стволы деревьев, между ними рос папоротник. В теплом, влажном воздухе сладко пахло экзотическими цветами. Неподалеку раздавался детский смех.

Я села и стряхнула с колена огромного муравья. Поползла через кусты в ту сторону, откуда слышались какие-то голоса. Сквозь густую растительность мне удалось различить вдалеке стаю волков. Точнее, их взрослых серебристо-серых волков, которые тихонько между собой переговаривались, а

рядом стайку волчат, весело резвившихся с голеньким ребенком лет двух, не старше. Маугли!

Это же начало «Книги джунглей»! Волки только что нашли Маугли одного в лесу и решили его выкормить, а я оказалась в гуще событий! Голова пошла кругом. Саму книгу я не читала, зато видела диснеевскую экранизацию. Любимый мультик моего детства. Сейчас появится пантера Багира? Или медведь Балу? Он запоет, как в мультике? Мы отправимся вместе в заброшенный город обезьян? Я буду понимать речь животных, я смогу с ними говорить? Обалдеть! Я действительно попала в книгу! Мысли бешено метались у меня в голове, пока я ползла к волчьему семейству и к Маугли. Последний, кстати, в отличие от диснеевского, оказался кучерявым и без всяких красных плавок.

Я хотела поздороваться с волками по-дружески: «Привет, как дела?» Но только я собралась вылезти из кустов, как внезапно почувствовала у себя на спине что-то такое... Такое тяжелое, мягкое и теплое, подозрительно похожее на лапу. Я оцепенела. Медленно, очень медленно я обернулась... И уперлась взглядом в хищную морду тигра Шерхана, в его желтые сверкающие глаза с вертикальными зрачками. Вдруг я вспомнила, что по сюжету романа Шерхан охотится на Маугли и намерен его съесть, потому что он боится людей и их оружия. И еще потому, что он – тигр, а уж тиграм на природе так и хочется слопать человека.

Шерхан оскалился. Я почувствовала его смрадное дыха-

ние. Только теперь мне стало ясно, почему Алекса настаивала на «безопасной» детской книге. Но данная книга, к сожалению, оказалась не совсем безопасной. Позови я на помощь, спасут ли меня волки? Я набрала полные легкие воздуха, но не успела издать и звука, как тигр приложил коготь к губам.

Шерхан приложил к губам коготь?

– Тебе нельзя вмешиваться в сюжет, читательница, – прошептал он. Голос его звучал не громче тихого мурлыканья. – Если волки тебя заметят, то не оставят у себя человеческого детеныша. Ты посадишь себе на шею озорника, и все произведение рассыплется.

Я уставилась на тигра: он умел говорить!

– Э-э-э-м-м-м... – только и выдавила я из себя.

Тигр, склонив набок могучую голову, шепнул:

– Тише! Я же только что объяснял. Пойдем.

Хищник двинулся прочь, после некоторого колебания я последовала за ним в самую чащу. Но насколько велика вероятность того, что Шерхан увел меня от играющих волчат, собираясь спокойно полакомиться мною где-нибудь в джунглях? Могу ли я вообще умереть по ходу сюжета или я в качестве гостьи неуязвима для персонажей? Тигр бесшумно крался вперед, под его полосатой шкурой перекачивались внушительные мускулы. А я то и дело с треском наступала на сухие ветки и шелестела листвой, ох и далеко мне до еле слышной поступи такого провожатого! Если он и правда со-

бирается на меня напасть, то шансов спастись у меня нет.

Однако под раскидистыми кронами деревьев мой страх развеивался с каждым шагом. Успокаивала мысль, что Шерхан давно мог убить меня, но не убил. Да и как такое представить: меня съест тот, с кем мы только что вели беседу?

Шерхан вывел меня на поляну, я присела на ствол упавшего дерева. Тигр лег рядом, положив голову на лапы. И повиливал хвостом, спрятав его между папоротниками.

– Меня зовут Шерхан, – сообщил он.

– Эми, – представилась я. – Извините. Я еще никогда не была в книгах и не знала...

– Ничего, ничего, – успокоил меня тигр. – Я бы и рад сослаться на закон джунглей, но только действует этот закон во всем книжном мире: читатель не должен ни во что вмешиваться. Ни при каких обстоятельствах. Всегда оставайся где-нибудь в стороне – на полях или между строк.

– Как бы внутри побочной сюжетной линии?

Шерхан кивнул.

– Ладно, – согласилась я. И тут же вновь почувствовала сильное волнение, хотя уже не сомневалась в том, что тигр меня не тронет. – Чем мне сейчас стоит заняться? Кстати, очень рада с тобой познакомиться. Ты не знаешь, где найти Балу и Багиру? Как пройти к городу обезьян? Ты правда очень боишься огня?

Тигр со вздохом поднялся:

– Лучше задай свои вопросы кому-нибудь во внешнем ми-

ре. Еще несколько страниц, и Маугли предстанет перед советом стаи. Значит, я должен сидеть в чаще рядом и требовать его выдачи, – объяснил он. – Смотри, вот дорога обратно в сюжет и к тому дереву, откуда ты попадешь домой.

На последних словах Шерхан исчез в зарослях.

А я осталась сидеть на бревне. Что делать? Следовать за ним и вернуться на Штормсей? Или...

Ноги словно сами понесли меня в противоположном направлении. Слишком волнующая выдалась прогулка, не может она так сразу закончиться! Только что я говорила с тигром Шерханом. В целом все это невероятно. Невероятно круто! «Может, скоро я последую за черепахой Кассиопеей из „Момо“?» – думала я, пробираясь в глубь джунглей. Как много есть книг, в которые стоило бы попасть, как много персонажей, с которыми обязательно надо познакомиться. Но для начала хватит и танцующего Балу в городе обезьян.

Конечно, в джунглях тропинок не бывает, вот я и лезла по корням да по камням, прокладывая себе путь через папоротники и лианы, пока заросли не начали редеть. Но вместо затонувшего города или деревни туземцев за деревьями открылся совсем другой пейзаж.

В какой-то момент воздух стал холодным и сухим. Через луга и поля вела песчаная дорога. Вдалеке я разглядела ветряную мельницу и рыцаря, который галопом скакал к ней с опущенным копьём. В центре открывшегося мне перекрестка высился дорожный указатель. «Книга джунглей», –

гласила витиеватая надпись на стрелке, указывающей в том направлении, откуда я пришла. Другая стрелка отправляла к «Трагедиям Шекспира», а прочие ответвления дорог – к «Дон Кихоту», «Алисе в Стране чудес» и «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда».

Вау! Кажется, я добралась до границы «Книги джунглей» и могу выбирать, куда идти дальше. Я уже решила было нанести визит безумному убийце Джекилу/Хайду, как вдруг заметила еще одну стрелку, самую маленькую из всех. А на ней одно-единственное слово, выведенное коряво, будто впопыхах: «Строка». Такого заглавия я еще не встречала. Что за писатель назвал книгу так серьезно – «Строка»?

Дорогу к ней и дорогой-то считать нельзя, это узенькая тропинка в скалах, засыпанная камнями. Ну да ладно, я ведь только что пролезла через заросли, да и вообще меня мучило любопытство. Странное название вертелось в голове, я продвигалась вперед с удивительной легкостью. Ведь обычно я то палец на ногу ударю, то споткнусь, то соскользну с какого-нибудь камня. Но вот эта книжная осыпь, похоже, настроена ко мне благосклонно.

Скоро скалы превратились в склоны ущелья, я шла по его дну. Под ногами хрустел песок, звук моих шагов эхом отражался от скал. Наверное, я приближаюсь к следующей книжке? Сколько времени я уже в пути? Давно ли я говорила с Шерханом – пять минут назад или уже час прошел?

Наконец тропинка повернула влево. За поворотом на кор-

точках сидел человек. Мне не сразу удалось разглядеть, что на нем шелковые чулки и туфли на каблуке, а волосы заплетены в косу, завязанную шелковой лентой. Он, спрятав голову между коленями, закрывался руками, защищаясь от трех старух. Те летали вокруг в развевающихся плащах с капюшонами и своими длинными ногтями то и дело царапали его руки.

– Хвала тебе, юный Вертер! – восклицала первая.

– Ты счастье обретешь с Лоттой! – верещала вторая.

– Скоро женишься на ней! – кричала третья.

Несчастный сжимался в комок все сильнее, плечи его тряслись. Рыдания смешивались с воплями окруживших его старух.

– Подите прочь!.. – задыхаясь, сипел он.

Но мучительницы не обращали внимания на мольбы страдальца.

– Хвала тебе, – опять завела первая и подлетела ближе.

Голос ее раскатывался по ущелью, заставляя скалы дрожать, и сверху сыпались мелкие обломки камней и пыль. Бедняга съеживался все больше, но даже не пытался противостоять нападкам злобных старух.

– Хвала тебе, жених... – начала вторая.

Эта сцена до того меня заморозила, что я совсем перестала следить за дорогой, споткнулась о какой-то камень покрупнее и едва не пролетела кувырком между жертвой и мучительницами, но в последнюю секунду сумела остановить-

ся. Старухи сразу замолчали и уставились на меня водянистыми глазами. Волосы у них, будто живые, так змеились в лохмотьях одеяний.

Откашлявшись, я выдавила что-то похожее на «Добрый день» и сплотнула. Все три старухи угрожающе зашипели, а молодой человек зарыдал. Теперь я оказалась в центре внимания и чувствовала себя обязанной как-то помочь несчастному.

– Разве вы не видите, что ему нехорошо? – укорила я старых злыдней. – Оставьте его в покое.

Старухи захихикали.

– Какая смелая, – проскрипела одна.

– Читательница, – проворчала другая.

– Вот именно! – воскликнула я, расправив плечи. – А вы кто?

Старухи засмеялись.

– Все тебе расскажи, да? – взвизгнула третья. – Пойдемте, сестры, настала пора варить наше зелье.

Поднимаясь в небо и улетаая прочь, эти гримзы продолжали смеяться.

Бедняга поглядывал им вслед, не поднимая головы.

– Благодарю вас, – проямлил он.

– Не стоит благодарности. Надеюсь, я не запутала сюжет? – спросила я, потому что мне вдруг вспомнилось предупреждение Шерхана: не вмешивайся в ход событий! Я прикусила губу.

Но незнакомец только махнул рукой:

– Нет, нет, здесь нейтральная полоса. Я встретился со старухами как раз по пути в «Строку». Вообще-то они опасны только в своей пьесе. Знаете, им просто нравится напоминать мне о моих страданиях.

– Почему? – удивилась я.

– Ох, наверно, потому что я легкая добыча, – вздохнул бедолага.

Он церемонно поднялся на ноги, достал кружевной платок. И оказался моложе, чем я предполагала. Прочистив нос, он взглянул на меня из-под длинных ресниц:

– Простите, вы, случайно, не Эми?

– Э-э... да! Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Честно признаться, вас ищет половина Леса сказок. Говорят, во внешнем мире опасаются, что вы не пережили своего прыжка.

– Ох... – Я пригладила волосы и заправила их за уши. – Пожалуй, мне пора доказать всем обратное.

Вскоре, добравшись до своего гигантского дерева, я прыгнула обратно и оказалась в каменном кольце, где меня ждали озабоченные Бетси и Глен. Только Уилл стоял в стороне, на краю холма. Он вцепился обеими руками в обложку «Собаки Баскервильей» и был так бледен, что на коже проступили голубые жилки. Уилл смотрел вдаль и, кажется, вообще не заметил моего появления.

Зато Бетси и Глен сразу бросились мне навстречу.

– Наконец-то, – вырвалось у учителя. – Ты застряла? Ты ранена? – И он оглядел меня с ног до головы.

– Ох, нет, я...

– Да просто поздно ей уже, – прервала меня Бетси. – Слишком она взрослая, чтобы начинать учиться. Может, будь она из Макалистеров, у нее бы получилось, но она из Ленноксов...

– Бетси! – предостерег девушку Глен, но она не смутилась.

– Если часами торчать там, где приземлишься, и не двигаться с места, то пользы никакой. Как она может научиться общению с персонажами? Пусть проведет здесь каникулы и возвращается обратно в Германию. Силой ничего не добьешься.

– Вообще-то я вовсе не *торчала на одном месте*, – возразила я, подняв книгу с коврика. – Сначала я поговорила с тигром Шерханом. Но ему следовало вернуться в сюжет, так что я пошла дальше одна, а когда джунгли закончились, я нашла дорожный указатель и...

– Ты ушла из «Книги джунглей»?! – вскрикнул Глен.

– Ученикам это запрещается, – сморщила нос Бетси.

В ее взгляде сквозило нечто знакомое мне по взглядам одноклассников в Германии – зависть. Однако Бетси пыталась скрыть это чувство.

Глен скрестил руки на груди:

– Похоже, ты способная девочка. Но в данном пункте я согласен с Бетси: тебе и рано, и опасно выходить в литера-

турный мир за пределами учебной книги.

Бетси усердно кивала, а Уилл, издали следивший за нами, уставился на меня с интересом.

Чудовище выползло из пещеры.

Тихо-тихо.

Никто и не заметил.

3

Жевательная резинка для Оливера Твиста

Хижина на болоте совсем маленькая. Всего одна комната, места хватает ровно для дивана с дырявыми подушками и чугунной печки. Низкая тростниковая крыша доходит почти до земли, местами она покрыта плесенью, и через нее просачивается вода, как только начинается дождь. В бурю ветер задувает через щели в окнах. Но Уилл все равно любит свой дом.

Конечно, на самом деле он здесь не живет, Уильям все-таки племянник Рида Макалистера, лорда Штормсей, и их семья с давних пор проживает в фамильном замке Макалистеров на севере острова. Впрочем, сквозняки там гуляют почти так же сильно, и в те дни, когда Бетси со своей старушкой няней, бывало, войдут в раж да начнут приставать с разговорами, мол, во всем клане его отец – единственный неудачник, Уилл определенно предпочитал потрескивание дров в своей печурке нудной болтовне у камина в парадном зале замка. Кроме того, в хижине никогда не появлялся лорд, о чем Уилл совершенно не жалел.

Не так давно Уилл перетащил сюда все свои сокровища. В сундучке, втиснутом между диваном и стеной, хранились

его любимые книги. И еще альбом с фотографиями из других времен. Уилл плохо помнил те годы, воспоминания казались обрывками какого-то старого сна. Ему было пять, когда родители уехали. С тех пор прошло двенадцать лет.

Но сегодня юноша не хотел вспоминать о тех давних событиях. Важнее было восстановить в памяти подробности вчерашнего дня. Ведь вчера кое-что произошло, может, даже кое-что ужасное.

Уилл не мог отвести взгляда от заляпанной стены над печкой. Яркая краска алела на штукатурке. Несколько капель скатились вниз, как слезы, которые кто-то не успевает вовремя вытирать. Но эта краска не водная! Уилл старался не думать, из чего она состоит.

Этой краской, по краям переходившей в бурый цвет, на стене были написаны слова:

Я НЕ СПЛЮ

Надпись вдруг появилась вчера после обеда. Уилл задремал на диване и, проснувшись, обнаружил ее. Это предупреждение? Угроза? Кто вывел эти буквы? Появились ли они раньше, чем он прилег? Что все это значит?

Уилл сбегал к каменному кольцу и вернулся со своим лучшим другом.

А его лучший друг – Холмс.

Такое запрещалось, но Уилл не единожды нарушал запрет.

У Холмса, кажется, сразу появилось подозрение. Он дол-

го разглядывал почерк и в конце концов буркнул: «Это не Мориарти». Вышел на улицу, под дождь, – наверное, хотел привести мысли в порядок, – и больше Уилл его не видел. Целый вечер они с собакой искали Холмса, пока не сдались. Оставалась одна надежда, что Шерлок вернулся домой покурить трубку или поиграть на скрипке... или чем он там еще любит заниматься.

Но сегодня, во время прыжка на занятия, Уилл обнаружил в книге пустое место. Он и сейчас все не мог поверить в то, что Холмс не вернулся. Великий сыщик словно растворился в воздухе.

А Уилл сидел здесь и пялился на стену.

– Эми, бери еще, не стесняйся. – С этими словами леди Мэйред пододвинула мне тарелку с печеньем. – Они хоть и немного черствые, но если окунать в чай, будут на вкус как свежие.

Мы обе знали, что это неправда. На столе лежали совсем не те маленькие печеньица, к каким я привыкла в Германии, а тяжелые, в сантиметр толщиной, сухие глыбы размером с ладонь. Первое печенье уже камнем лежало в моем желудке, но я взяла второе. После моего путешествия в «Книгу джунглей» леди Мэйред стала куда участливее ко мне, и отказаться от ее печенья было бы невежливо. Я откусила кусочек, рот сразу наполнился пылью.

С довольной улыбкой бабушка откинулась на спинку

кресла. Мы пили чай после обеда в зимнем саду, там, где завтракали утром. На коленях леди Мэйред мурлыкал, свернувшись в клубок, полосатый кот по имени Макбет.

– Мы теперь не так часто ходим за покупками, – объяснила бабушка и почесала Макбета за ушком. – Главное, чтобы ты хорошо питалась. От овощной диеты твоей матери толку никакого.

Она взглянула на мои запястья.

Я хотела было возразить, что своей фигурой обязана не диете, а причудам природы. Но мой язык прилип к нёбу – спасибо засохшему печеню, которое угрожающе продвигалось к дыхательным путям, как только я пыталась его проглотить. В итоге мне это все-таки удалось, но после двух чашек чая я все равно целую минуту кашляла.

А леди Мэйред тем временем опять разболталась о Тайной библиотеке, где, как я узнала сегодня по дороге в класс, вместе с Гленом работали еще двое – Дезмонд и Клайд, обеспечивавшие порядок в этом хаотичном нагромождении книг. Тоже в монашеских рясах, тоже со шрамами на лице. Клайд составлял каталог, а Дезмонд переплетал тома. Он немногим старше меня, я дала бы ему лет двадцать, не больше.

– Ах, когда-то и я была молодой. Я побывала в сотнях книг! – Леди Мэйред улыбнулась сама себе. – У нас очень ценный дар, Эми. Используй его, пока сможешь.

– Произошел несчастный случай? – не утерпела я, когда

снова обрела дар речи.

Леди Мэйред подняла брови:

– Что?

– С библиотекарями. Я имею в виду их раны и глаз Глена. Бабушка посмотрела себе в чашку:

– Ах, ты об этом. Да, произошел.

Макбет поднял голову и уставился на меня.

Бабушка явно не собиралась ничего пояснять, и я из чистой вежливости откусила еще раз от печенья, которого от пережевывания как будто становилось больше, а не меньше. Как глупо! Я отчаянно заработала челюстями.

Словно догадавшись, что самостоятельно мне эти сухари не проглотить, мистер Стивенс вошел в комнату и подал к столу чайник свежезаваренного чая. Кот снова устроился поудобней.

Возвращаясь сегодня в дом Ленноксов, я все еще пребывала в радужном настроении. Ждала и дожидаться не могла, как расскажу Алексе о том, что пережила. Так и летела по болоту! Алексу я встретила на пороге дома, укутанную в пальто и в шарф. И как из фонтана из меня полилось:

– Я побывала в «Книге джунглей». С Шерханом сумела...

– Эми, я ухожу гулять, – прервала Алекса мой поток слов. – Поговорим об этом позже.

И вот она уже за дверью. С тех пор я жду ее возвращения.

Мистер Стивенс налил нам еще чаю, а я покосилась на наручные часы. Алекса гуляет уже часа три. А остров не так

уже велик. Она что, обходит его кругами?

– Твоей маме нелегко согласиться с тем, что ты прыгаешь в книги, – произнесла леди Мэйред, заметив мой взгляд.

Я пожала плечами:

– Она же согласилась приехать сюда. И вообще я не понимаю, что тут страшного. По-моему, это великолепно.

Я снова и снова прокручивала в голове встречи с тигром, с молодым незнакомцем и тремя злыми старухами – наверное, они ведьмы. Я вступила в новый мир. Прекрасный мир, где мечты становятся явью. И меня злит, что я не могу рассказать об этом самому близкому человеку. Когда я вернулась в дом и леди Мэйред принялась меня расспрашивать, я просто пожала плечами. Мне хотелось сначала поделиться своими приключениями с мамой, несмотря на ее отпор.

– Алекса столько лет пыталась отрицать, что у тебя тоже есть дар, и, по-моему, сама в это почти поверила. Она боится того, что с тобой может произойти в книжном мире.

– Почему?

– Так ведь ее опыт книжной странницы оказался не самым удачным, – прошептала бабушка так тихо, словно не хотела, чтобы ее еще кто-то услышал.

– Ах вот как? – Я наклонилась ближе.

– Ты знаешь роман «Анна Каренина»?

– И да, и нет, – ответила я. – Я его не читала. Но помню, что он о женщине, которая в конце концов бросается под поезд.

Леди Мэйред кивнула:

– Да. Алекса выбрала эту книгу для своих занятий и...

Тут в зимний сад вошла сама Алекса, и бабушка замолчала.

– Я только хотела вам сказать, что вернулась и иду спать. У меня, кажется, мигрень, – объяснила Алекса и тут же ушла.

Но на этот раз я не позволю ей уйти просто так! Сунув остаток второго печеньица в карман «про запас», я побежала в коридор следом за матерью.

Алекса уже преодолела полтора лестничных пролета наверх, когда я ее догнала. Она стояла, прислонившись лбом к оконному стеклу, и смотрела на болото.

– Все в порядке? – обратилась я к ней.

Моя злость из-за ее ухода сразу же исчезла, уступив место тревоге.

Алекса вздрогнула, словно я поймала ее за каким-то запрещенным делом.

– Ох... Эми, – пробормотала она. – У меня просто болит голова.

Я подошла на шаг ближе. Алекса и правда была очень бледна, под глазами темные синяки, которых я не заметила утром, возможно, из-за нанесенного ею слоя косметики. Руки бессильно висели вдоль тела. Даже яркое трикотажное платье будто покрылось серым налетом. Ясно, что ей нехорошо. Разумеется! Как же я забыла?

Доминик ушел от нее всего три дня назад. Весь мир ее

разрушен, как разрушился мой мир в ту среду, когда Йолина выложила фотографии в Интернете. Да, я провела час-другой во сне наяву, в мечте, но это ничего не меняет.

Я положила руку Алексе на плечо:

– Мы обо всем забудем. Для того и приехали. Штормсей нам поможет.

Алекса промолчала.

Следующей ночью мне снова приснились фотографии, где я стою голая. Но теперь их не пересылали с телефона на телефон, они висели как плакат на стене Тайной библиотеки. Вместо Йолины, Пауля и других одноклассников перед ними стояли Бетси, Уилл и Глен.

Глен и Бетси обсуждали плакат, а Уилл смеялся.

– Не может она так выглядеть. Снимки, наверно, обработаны, – вздохнул Глен. – Нормальные люди не выглядят так.

– Чушь. Я сама фотографировала только что... в кабинке для переодевания... Она же из Ленноксов, чего ты ждал? – возразила Бетси. – Смотри, как ребра торчат. Я уже говорила, Эми не может стать настоящей книжной странницей, она же просто как сухая ветка.

Уилл засмеялся сильнее, Глен тоже захихикал.

– Я бы выкинула фото на свалку, – объявила Бетси и показала на небольшую гору мусора, внезапно выросшую в углу класса.

– Пожалуй, – согласился Глен и сорвал плакат со стены.

Тут я заметила, что нахожусь не позади этих троих, как мне казалось, а на фотографиях. Я в них как будто заперта.

– Придется объяснить леди, что Эми не достойна обучаться здесь, – продолжил Глен.

Он порвал бумагу на кусочки, и меня вместе с нею. Сначала он разделил на две половины мое лицо, потом тело, ладони, пальцы. . . Я кричала, но никто меня не слышал. Плакат превращался в клочки бумаги, они становились все меньше и меньше, и мои руки с ногами стали конфетти. Голова была разорвана на части. То, что от меня осталось, погрузилось в вонючую грязь.

Я проснулась от собственного крика.

Насквозь промокшие простыни прилипли к телу. Задышавшись, я пялилась в темноту балдахина. Ничего этого не было. Никто на острове, кроме нас с Алексой, не знает про фотографии. Подсознание снова сыграло со мной злую шутку, это просто кошмарный сон. Кошмары часто мне снятся в последнее время.

Но все-таки дыхание мое еще долго не успокаивалось. Я боялась снова закрыть глаза. Кто знает, какой бред мне приснится в следующий раз? И тогда я нашарила рядом электронную книгу и открыла ее. Подсветка скользнула по моим щекам, она как будто успокаивала.

Я пролистала список загруженных произведений и нашла в каталоге нашей городской библиотеки «Оливера Твиста» Чарлза Диккенса. Роман почти дочитан, но сейчас я верну-

лась к началу и пробежала глазами несколько фраз о жизни Оливера в приюте для бедняков, не особенно вдумываясь в слова. Теперь я знала, что, кроме чтения, есть еще один способ проникнуть в литературное произведение. И даже очень захватывающий. Что, если залезть в роман об Оливере Твисте? По-настоящему пережить все его приключения в старом Лондоне за время, проведенное в лапах у шайки карманников? В столице Англии я не бывала.

Я осторожно положила электронную книгу на лицо, а это совсем не просто. У нее же нет корешка, есть только одна страница, которую следует удерживать на носу и лбу. Я представила вновь все, что произошло утром: как я из каменного кольца перелезала в книжный мир, как буквы медленно меняли очертания у меня на глазах. Вспомнила, как сжимались и разжимались слова, как предложения сплетались одно с другим. Я увидела это так ясно, что строки моей электронной книги тоже пришли в движение. Сперва они удлинились, потом буквы стали каплями стекать с экрана, сливаясь друг с другом. К оттенкам серого шрифта подмешался коричневый цвет – цвет грубо сколоченного деревянного стола.

Внезапно оказалось, что я сижу под этим столом, притаившись между рядами детских ног в латаных-перелатаных штанах. Я недоверчиво потрогала грязный дощатый пол. Пахло потом и немывыми телами.

– И все равно очень есть хочется, – послышался сверху чей-то голос.

– Конечно, всем хочется. Кому же хватит трех ложек овсянки? – возразил другой голос.

– Если дальше так пойдет, я ничего не обещаю. Может, ночью съем кого-нибудь из вас во сне, – встрял в разговор кто-то третий.

– Все, хватит, я спрошу, можно ли мне добавки.

– Ты на такое все равно не осмелишься.

– Я – нет. Но кто-то из нас должен, или мы все попрем с голоду.

– Да.

– Сдохнем раньше, чем выйдем отсюда.

– Кинем лучше жребий.

Мои последние сомнения рассеялись. Это приют для бедняков из «Оливера Твиста»! Я проползла между ногами мальчишек и на длинной скамейке нашла место, куда можно втиснуться. Ребята в это время были заняты тем, что тянули спички, меня они не заметили. А я пришла в ужас: лица у мальчишек такие осунувшиеся, что и не разберешь, сколько им лет. На детей они уж точно не походили. Кожа обтягивала скулы, лица бледные, сальные волосы в беспорядке свешивались на глаза. Перед каждым пустая миска.

Этот стол оказался не единственным, в комнате стояли еще три стола, за ними – полным-полно изможденных детей, и никто из них не ел, хотя стоявший в углу грязный человек помешивал что-то в еще более грязной кастрюле, из которой поднимался пар.

– Оливер Твист, – зашептали мальчики вокруг меня. – Вот пусть Оливер и спросит.

Маленький мальчик со смышленными глазами нервно сглотнул. Пальцы у него были не толще сломанной спички, которую он держал.

– Оливер, давай уже! – потребовал какой-то мальчик чуть постарше, с торчащими вперед зубами. – Мы скоро с голоду умрем, если ты не спросишь.

Но малыш Оливер медлил. В глазах у него плескался страх. Дрожа, мальчуган медленно поднялся.

Я посмотрела на грязную кастрюлю и человека, склонившегося над ней. Взгляд у него такой мрачный, что и меня бы напугал. Почему бы ему не дать мальчикам немного сероватой клейкой овсянки, раз уж он ее перемешивает? Все равно завтра она сгодится разве что на мерзкое печенье, которое леди Мэйред ест с таким удовольствием.

Оливер перекинул ногу через скамью и вздрогнул, когда повар взглянул в нашу сторону. К счастью, меня он не заметил.

– Подожди, – сказала я, потому что мне в голову пришла одна идея. – Раз вы так голодны, я, наверное, могу вам помочь.

Ко мне повернулись тридцать голов. Оливер Твист с надеждой уставился на меня.

– Она – читательница, – прошептал кто-то.

– Читательница, – пошло эхо по всему столу, – из внеш-

него мира.

– И что? Главное, у нее есть для нас еда!

– Секунду, – пробормотала я. – Вы подождете, да?

Я нырнула под стол и доползла до того места, откуда появилась. В следующий миг я опять оказалась в кровати с балдахинном на острове Штормсее. Мысль, что я из своей комнаты сумела прыгнуть в книгу, фейерверком взорвалась в голове. У меня получилось, я нанесла визит Оливеру Твисту посреди ночи! Я...

Нет, будет еще время поликовать. А сейчас нужно помочь еле живым от голода мальчишкам в приюте для бедняков. На моей тумбочке стояла тарелка с печеньем, которое леди Мэйред вечером послала мне, наверное желая поскорее от него избавиться. Ха, нет ничего легче! Я рассовала печенье по карманам пижамы, второпях выудила пачку жевательной резинки из рюкзака. Минутой позже электронная книга снова лежала на моем лице...

Я опять очутилась под столом и потянула одного из мальчуганов за штанину.

Оливер Твист наклонился ко мне.

– Вот, – сказала я, передавая ему печенье и жвачку. – Больше я не могу сейчас ничего достать. Вот печенье и жвачка. Можете жевать ее, пока вас снова не накормят. Но не проглатывайте! Наверно, это чуточку поможет.

– Спасибо, – пробормотал Оливер.

И мальчики у меня над головой тут же разделили все по-

ровну.

Я расслышала еще, как кто-то сказал:

– Но завтра пусть Оливер спросит, почему нам снова дали такие маленькие порции.

И вот я уже опять лежу в кровати. В доме бабушки. В двадцать первом веке.

«Я выбрала тебя, – молвила Принцесса. – Преклони колено».

Рыцарь подчинился приказу.

«Клянешься ли ты найти и убить Чудовище, клянешься ли не обрести покоя, пока не защитишь меня, твою Принцессу? Клянешься ли своей жизнью?»

Рыцарь поднял глаза на Принцессу, увидел ее точеный носик, выразительный изгиб бровей, нежный румянец.

Красота ее была совершенна.

Рыцарь подумал, как счастлив был бы до самой смерти видеть перед собой лишь это лицо.

Словно ангел стояла Принцесса перед ним.

И никто не посмеет причинить этому ангелу страдания.

«Клянусь своей жизнью», – произнес Рыцарь.

4

Между строк

Занятия следующим утром принесли одно разочарование, едва успев начаться. Я надеялась снова залезть в «Книгу джунглей». А вместо этого мы прослушали двухчасовую лекцию Глена о книжном мире. Он говорил, что предназначение книжных странников – защищать литературу, для нас это и честь, и бремя. Предупреждал, что персонажей строго-настрого запрещено приводить во внешний мир, но в особых случаях все-таки можно – например, спасая от катастрофы, – однако потом они, конечно, сами должны вернуться в книгу. Еще Глен обстоятельно пояснил, что все книги граничат друг с другом и соединены дорогами, по которым можно попасть из одного произведения в другое, а если повезет, то и в так называемую «Строку» – место между строк, куда частенько наведываются персонажи, когда они не задействованы в сюжете. Он успел поведать и смешные случаи, произошедшие с какими-то нашими предками из-за совершенных ими глупых ошибок. Глен со всей серьезностью предостерегал нас: последствия изменений появляются в каждом печатном экземпляре книги. *В каждом печатном экземпляре?*

Бетси с Уиллом, конечно, это раз сто слышали. Уилл, сучая, пялился на обложку своей «Собаки Баскервилей». Мне

кажется или книга за ночь стала тоньше? А Бетси как будто нашла наконец свое призвание в том, чтобы поддакивать каждому слову Глена. Она то и дело кивала или произносила что-нибудь вроде «именно», «так и есть», «этому ты научишься когда-нибудь потом, Эми». Сегодня ее губы так блестели от помады, словно на завтрак она проглотила банку сардин в масле.

– Например, леди Мэйред в юности как-то раз в «Макбетте»... – Глен прервался. – Да, Эми, в чем дело?

Я опустила руку.

– Плохо ли... – начала я. – То есть... э-э... можно ли что-нибудь испортить, если прыгать не через *Porta Litterae*, а просто так?

Глен нахмурился:

– В каком смысле?

– Ну, вчера ты сказал, что прыгать в книги можно только из каменного кольца. Почему так? Случится ли что-нибудь плохое, если, например, читать вечером в кровати и...

С самого утра, только проснувшись, я почувствовала угрызения совести, и они терзали меня все сильнее, пока Глен говорил. Не подумав, я проникла в «Оливера Твиста», вмешалась в сюжет да еще принесла печенье и жевательную резинку. Чем дальше я слушала Глена, тем больше понимала, что почти ничего не знаю о книжном мире и, наверное, не очень умно было пробираться туда тайком лишь по той причине, что мне вдруг захотелось.

– Так что? Это приведет к неприятностям?

Бетси закатила глаза и тихо вздохнула:

– Ах, Эми!

И все это с таким противным видом, как будто она все еще в моем сне.

Глен покачал головой.

– Нет, – сказал он, – никаких неприятностей. Это попросту невозможно. Ваш дар действует только внутри каменного кольца.

– В самом деле? – Я перевела взгляд на Уилла и Бетси: – Вы когда-нибудь пробовали прыгать из других мест?

– В свободное время я нахожу себе развлечения поинтереснее, – отрезала Бетси. – Извините, мне надо выйти.

Она достала косметичку и выпорхнула из класса, зато Уилл первый раз за день посмотрел прямо на меня.

Волосы у него топорщились, как и вчера, он все еще был бледен, будто увидел привидение.

– Конечно, – улыбнулся он после паузы, причем правый уголок рта у него поднялся выше левого. – В детстве я часто пробовал. Но никогда не получалось.

– М-м-м... – протянула я.

Я придумала, что ли, прыжок в «Оливера Твиста»? Или он мне просто приснился?

Глен читал лекцию еще часа полтора, а затем повел нас на холм. Друг за дружкой мы запрыгнули в свои учебные книги: Уилл, которому поручили разузнать, отчего в книге недо-

стает страниц; Бетси, которая продолжала разбираться с гномом-мороженщиком и подкрасила ради этого глаза; и я, которая ни о чем ничего не знала и потому сторала от любопытства.

Едва я успела закрыть лицо книгой, как все началось снова. Меня обдало горячим, влажным воздухом джунглей, буквы перед глазами превратились в растения, и я вновь услышала Маугли, резвившегося с волчатами. Корни гигантских деревьев тихо скрипнули, когда я приземлилась между ними. Но на этот раз я поползла в сторону от голосов, причем в прямо противоположную сторону.

– Вот ты опять! – приветствовал меня Шерхан, сидевший в зарослях.

Я ему кивнула. Глен дал мне задание изучить историю Маугли. Но ведь все дети, смотревшие телевизор, знают происходящее в «Книге джунглей», не так ли? Пройдя мимо тигра, я направилась к краю первобытного леса.

Указатель оказался на месте, как и ущелье, где я вчера повстречала плаксивого незнакомца, который не мог разобраться со злыми старухами. Сегодня я опять удивительно легко вскарабкалась наверх, несмотря на осыпь. Так легко, что едва ли не расстроилась, когда тропинка выпрямилась и превратилась в обычную дорогу. Кручи и здесь обрамляли края ущелья, но они расходились друг от друга все дальше. Наконец они образовали что-то вроде котловины, на дне которой укрылся городок. Совсем небольшой. Вообще-то он

состоял из одной-единственной улицы. Зато до отказа забитой магазинами, лавочками, пабами, киосками и ларьками. В аптечной витрине рекламировалось средство от неправильных глаголов, толстенная разносчица кричала что-то о чудо-порошке, на котором можно вмиг замесить счастливый конец, если своего нет под рукой. На рыночном прилавке, как я увидела, продавали точки и запятые, их разрешалось самостоятельно набрать и взвесить, а три кавычки предлагались тут по цене двух. В соседней лавочке были выставлены плащи, мечи и волшебные палочки. На двери значилось: «Поставщик снаряжения для героев – от античной драмы до научной фантастики. Обслуживаем также второстепенных персонажей».

Повсюду теснились персонажи в одеждах разных эпох. Толпа девушек в кружевных воротничках и пышных платьях с кринолином окружала мужчину в тоге. Мимо проходили солдаты с лазерными пистолетами, волшебники в разноцветных шляпах, бизнес-леди в брючных костюмах и туфлях-лодочках и орки с безобразными лицами. Между ними летали феи, жужжа стрекозиными крыльями. Гусь, несущий на спине крошечного мальчишку, попытался было склевать порошок для счастливого конца, но толстая разносчица громким криком прогнала его.

Я пошла за котом – на задних лапах, в сапогах, он прошагал сквозь толпу до паба «У полной чернильницы» и зашел внутрь. Мне не хотелось чернильного коктейля, хотя ре-

кламная табличка зазывала его попробовать, и я было решила идти дальше. Но за секунду до того, как дверь за котом захлопнулась, я разглядела в баре знакомого, склонившегося над стаканом.

Вошла и уселась рядом с молодым человеком, выглядевшим сегодня таким же несчастным, как и вчера.

– Вам не стало лучше? – спросила я.

Бедняга поднял взгляд, в уголках покрасневших глаз блеснули слезы.

– О, Эми! Рад вас снова видеть.

– Взаимно. Снова те старухи донимали?

– Нет-нет, – ответил несчастный и одним глотком осушил полупустой стакан.

Не первый, если судить по его остекленевшему взгляду.

– Мне просто грустно, – выговорил он, взмахнул рукой и едва не заехал по уху Коту в сапогах на соседнем табурете. – Что вы знаете о жизни? О мире, любви и судьбе? Жестокая судьба! Ах, в моей груди бушуют сотни разных чувств!

Каждое следующее слово молодой человек произносил громче предыдущего.

Кот отсел подальше.

– О, да, – посочувствовала я. – Понимаю.

Бесполезные слова вроде «алкоголь – это не выход» вертелись у меня на языке, но вместо них получилось:

– Я здесь впервые и никого не знаю, кроме вас. Не будете ли вы столь любезны показать мне округу?

С грустью посмотрев на дно пустого стакана, молодой человек кивнул и поднялся. Покачнулся, но быстро выпрямился.

– Я не в силах отказать юной красавице, – провозгласил он торжественно, заправил рубашку в панталоны и подвязал волосы сзади бархатной лентой. Хотел поклониться, но чуть не упал ничком. – Позвольте представиться, меня зовут Вертер.

В голове у меня так и вспыхнуло название книги, которую мы читали в прошлом году по школьной программе: «Страдания юного Вертера» Гёте. Все вдруг стало ясно. Вертер запил, потому что был безответно влюблен, до такой степени безответно, что в книге покончил жизнь самоубийством. А эти противные ведьмы мучили его предсказанием, что он будто бы может спасти свою несостоявшуюся любовь. Бедняга!

– Э-э... очень приятно. – Я протянула Вертеру руку.

Он не пожал ее, а запечатлел на ней пахнущий шнапсом поцелуй.

Я заставила себя улыбнуться:

– Здесь столько интересного!

Вертер кивнул. И действительно, литературные персонажи едва ли не протискивались в двери заполненного бара, многие сгрудились за столиком в углу, шушукались и переговаривались.

Я услышала, как человек с чешуйчатой головой спросил:

– И сколько же золота пропало?

– Их просто взяли да убили, – сообщил мальчишка на guise женщине с рыбьим хвостом, постоянно обливавшей лицо водой из графина. – Весь хлев в крови, но сюжету это, к счастью, не навредило.

– Вы уже слышали про Алису? – прошептал мужчина с сероватой кожей, зажимая под мышкой портфель.

Вертер потянул меня на улицу, там он немного отдышался. Публика толпой валила в паб.

– Что-то случилось, – объяснил он. – Уже несколько часов всюду ходят самые разные слухи. Видимо, в нашем мире какая-то беда.

– В «Оливере Твисте»? – Мое сердце забилося сильнее. – Там запутался сюжет?

– Что? Нет, нет. – Вертер большим и указательным пальцами потер переносицу. – Судя по всему, из «Тысячи и одной ночи» украли золото. Еще говорят, сегодня утром Алиса проворонила Белого Кролика и потому не нашла путь в Страну чудес. Точнее не знаю, последние часы я был занят...

– Выпивкой?

Я взяла Вертера под руку, чтоб не упал – его заметно качало.

– Размышлениями, – поправил меня Вертер. – Все на ушах стоят, такого еще не бывало. За все годы Алиса ни разу не упускала Белого Кролика? Такого попросту не должно быть. Вот ведь стыдится теперь, наверное.

– Значит ли это, что крошечное изменение в сюжете вызывает цепную реакцию?

Раз уж все книги как-то связаны, может, в этом виновата обычная упаковка жвачки в приюте для бедняков?

– Больше похоже на серьезное, намеренное вмешательство в сюжеты, – сказал Вертер, вдруг сильно побледнев. Он прислонился к рыночной палатке и прикрыл глаза.

– Давайте я принесу вам немного воды, – предложила я. Вертер покачал головой. Достал кружевной платочек, приложил ко рту и к носу.

– Нет, спасибо, – сказал он. – Но... может быть, я лучше завтра... – он тяжело дышал, – все вам покажу? Простите меня великодушно...

Его вырвало в ящик со свежими восклицательными знаками. Мне стало неприятно, и я решила, что пора домой.

Днем над островом засияло солнце – видимо, для разнообразия и ради напоминания о том, что сейчас июль. Алекса воспользовалась хорошей погодой и опять отправилась на прогулку, меня тоже потянуло на улицу. Я долго листала «Оливера Твиста», пытаюсь отыскать изменения в сюжете, но безрезультатно: наверное, Оливер просто попросил добавки на следующий день. Тогда я собрала свои рисовальные принадлежности. Много привезти мне не удалось, я предпочла книги акриловым краскам. Те остались дома, как и кисти, мольберт, холсты, которые все равно не влезли бы в чемодан. Но мне все-таки удалось запихнуть туда блокнот для рисова-

ния и разноцветные карандаши. Вооружившись всем этим, я направилась через болото к утесу Шекспира. Скалы показались мне при взгляде сверху такими же крутыми, как и в первый день, даже еще более высокими и опасными.

Устроившись на валуне, я принялась рисовать заросший край обрыва и море вдаль. Волны, сегодня цвета голубиного крыла, спокойно перекатывались у берегов под свой извечный аккомпанемент. Ветер потеплел за последние два дня. Он с силой трепал мои волосы, но в свитере я не мерзла. Пахло солью и... свободой, на моих руках танцевали солнечные зайчики. Быстрыми штрихами я набросала движение волн и узоры облаков, отражавшихся на поверхности моря. Я уже жалела, что оставила краски в Германии. Панорамы красивее этой я не видела никогда.

Казалось, я очутилась на краю света. Здесь нет ни сотовой связи, ни Интернета, и неважно, выложил ли кто-то что-нибудь в сеть. Йолина отсюда далеко. Единственное, что имеет значение, – дымчатая синева неба, которое распростерлось над островом и на горизонте соединяется с морем. Никогда еще я не ощущала, что вокруг меня столько свободного пространства – места, чтобы дышать, и места, чтобы думать. Места для любопытной ветки вереска, свесившейся с утеса, чтобы заглянуть в морскую глубину.

Я рисовала крошечные цветки вереска, как вдруг на бумагу упала чья-то тень.

– Красиво, – раздался голос у меня за спиной.

Я сжала карандаш, чтобы сохранить магию этого мгновения. Затем выдохнула и обернулась:

– Привет!

Передо мной стоял Уилл. Он кивнул в сторону блокнота, лежащего у меня на коленях:

– Не знал, что ты рисуешь.

Я подняла брови:

– Что ж тут удивительного? Ты вообще ничего обо мне не знаешь.

Прозвучало это грубее, чем я хотела.

– Ну да, – согласился Уилл. – И все-таки я уже знаю, как тебя зовут. Еще знаю, что ты, наверное, талантливая странница: впервые побывав в мире книг, ты дошла до конца романа.

– Угу. – Я кивнула и снова склонилась над рисунком. – Но в целом это не так уж много.

– Согласен, – улыбнулся Уилл.

Ветер спутал мои волосы, когда я потянулась за мягким карандашом, чтобы оттенить волны.

Уилл стоял рядом, рассматривая мой рисунок и наблюдая, как я заштриховываю небо. Наконец откашлялся и заговорил:

– Значит, хочешь, чтобы все осталось по-прежнему. Понимаю. – Он наклонился ко мне. – Тогда я сейчас оставлю тебя в покое и уйду, хорошо?

Я промолчала. Уилл прав, все это время я старалась не

говорить лишних слов, а на уроках почти не смотрела на него и Бетси. Дело ведь не в том, что я не хочу обрести новых друзей. Я просто стала осторожной. Даже чересчур.

Впрочем, новые одноклассники тоже не организовали мне теплую встречу. Особенно Уилл, он большую часть времени витал мыслями где-то далеко.

Сейчас моих колебаний ему оказалось достаточно, и он повернулся, чтобы уйти. На ногах у него потертые кожаные сапоги. Всклокоченные выющиеся волосы как будто летят за ним по ветру. Вдруг я поняла, где уже видела эти развевающиеся кудри.

– Это ведь ты позавчера ночью стоял здесь наверху? – спросила я, когда юноша уже почти дошел до тропинки, ведущей к болоту.

Уилл остановился:

– Да.

– Зачем ты вышел на улицу в такую грозу? И что за огромная собака была с тобой?

Уилл вернулся, сел на камень рядом со мной:

– Я искал кое-кого... Одного... друга. Это его собака.

– Нашел?

– Нет, к сожалению. – Юноша подпер голову рукой. – Я весь остров прочесал. Но его нигде нет.

– Уехал?

– Можно и так сказать.

Мы посмотрели на море.

– Будешь рисовать дальше? – поинтересовался Уилл.

Осталось совсем чуть-чуть, и рисунок готов. Но я положила блокнот и карандаши в траву, искоса взглянув на Уилла. На носу горбинка, словно его когда-то сломали, а черты лица слишком резкие, потому и небезупречные. Зато синие глаза такие же ясные, как небо над Штормсеем. Небесные глаза.

– Узнал уже что-нибудь? О том, почему твоя книга вдруг стала тоньше? – спросила я.

– Узнал, – ответил Уилл и он продолжил шепотом: – Это потому, что в ней больше нет Шерлока Холмса.

– Ох, – вырвалось у меня. – Может, он в другой книге? Есть же целая серия романов о Шерлоке Холмсе.

– Да, но никто из других Шерлоков его не видел, – вздохнул Уилл.

– Я вот сегодня слышала, будто кто-то украл золото и потому в «Алисе в Стране чудес» что-то пошло не так.

– Шерлок – мой лучший друг. – Уилл, кажется, прослушал то, что я сказала. – С того времени, как мне исполнилось пять лет. Он придумывал для меня загадочные дела, а я помогал ему, не вмешиваясь в сюжет. Можно сказать, Шерлок вырастил меня.

– И сейчас ты ищешь его на Штормсее?

Уилл молчал.

Меня пугало, что настоящий и книжный миры способны вдруг пересечься.

– А что ему делать во внешнем мире? – продолжала я рас-

спросы.

Уилл запрокинул голову и зажмурился от солнца. Тени от его длинных ресниц напоминали темные полумесяцы. Он хотел казаться беззаботным, а не получалось. Я заметила, как юноша сжал губы, а рукой вцепился в пучок травы.

– Так ты привел его сюда? – догадалась я.

– Это запрещено, – пробурчал Уилл.

– Но ты привел?

– Эми, это запрещается. Глен же утром подробно объяснял.

– Я дала Оливеру Твисту жвачку и печенье.

Уилл моргнул:

– Правда?

Он просиял улыбкой. Оценивающе взглянул на меня, словно прикидывая, можно ли мне доверять.

– Эми Леннокс, – пробормотал он. – Наши семьи не очень-то друг друга любят, знаешь?

Я вспомнила о комментариях Бетси:

– Уже заметила.

Он улыбнулся, и на его правой щеке появилась ямочка.

– Ладно, пойду искать друга в деревне и на пляже. – Уилл поднялся. – Может, это проверочное задание от Холмса, и мне нужно просто найти подсказку. Или он выпивает в пабе. Хочешь со мной?

Я кивнула. Конечно, хватит с меня на сегодня пьяных персонажей, но против прогулки я не возражала. Тем более с

таким привлекательным спутником.

Пляж тянулся по восточному побережью острова до замка Макалистеров. Никакого белого песка, никакого великолепного променада, как в туристическом каталоге. На этом пляже галька и разбитые ракушки смешались со всяким мусором. На мелководье виднелись огромные бесформенные куски ржавого металла, кое-где покрытые отслоившейся темно-зеленой краской. Уилл объяснил, что это фрагменты подлодок, затопленных торпедами во Вторую мировую войну. Все моряки погибли, и течение постепенно сносило обломки судов к Штормсею, где они медленно погружались в ил.

Найти Холмса нам не удавалось.

Но мне нравилось, что волны лижут подошвы моих кроссовок. Уилл ковырял палкой водоросли и зацепил пластиковый пакет, который вынесло на берег. Однако мы не обнаружили и следа великого сыщика, и, чем ближе оказывались к замку Макалистеров, тем медленнее шел Уилл. Перед нами все выше и выше вздымались к небу башни замка. Мы уже почти дошли до внушительной каменной арки, когда Уилл остановился.

– Миленький домик, – произнесла я, рассматривая герб Макалистеров над дверью. Герб вот такой: на зеленом фоне дракон, из ноздрей которого вместо пламени вырываются книги.

Уилл с неожиданной силой запустил палку в море. Палка поплыла по волнам.

– По мне, так он не особенно уютный, – пробурчал юноша.

– Зато здесь можно великолепно поиграть в знатную даму, – возразила я.

Уилл ухмыльнулся:

– Как думаешь, что Бетси делает целыми днями?

– Ну, большую часть времени, наверное, красится? – Я усмехнулась.

– Тоже верно. – Юноша улыбнулся, но сразу посерьезнел. – Уже несколько раз я обыскал эти старые развалины. Давай теперь попытаем счастья в деревне.

Я согласилась и, взглянув на него искоса, подытожила:

– Не очень-то ты любишь дом родной.

Уилл не ответил.

Через пятнадцать минут мы добрались до домиков, мимо которых мы шли с Алексой, когда только приехали. Их и деревней не назовешь. Сейчас, при свете дня, я разглядела, что почти все они стоят пустые. Не дома, а развалюхи, большая часть окон разбита. Деревянные балки, как кости, торчат из покосившихся крыш. Двери заколочены. Жилыми, если так можно выразиться, оказались лишь два домика.

Первый – маленький и ветхий, а перед ним сорняки за забором из сгнивших тонких досок. На глиняных стенах, когда-то, видимо, выкрашенных в белый цвет, теперь виднелись отпечатки ладоней. Кое-где через штукатурку пробилась выюнок, отчего она крошилась и сыпалась еще больше. На растрескавшихся ступеньках перед входной дверью си-

дел какой-то подросток, он беззвучно шевелил губами. Или это был взрослый? Крепко сложенный, широкоплечий, в синем комбинезоне. Лицо местами покрыто пушком. Только взгляд какой-то детский, устремленный к морю, туда, где на песчаной отмели виднелись серые туши.

– Привет, Брок, – бросил Уилл на ходу.

Человек ничего не ответил. Его брови морщились, словно он о чем-то крепко задумался. Вдруг он закричал:

– Семнадцать!

Я вздрогнула:

– Что?!

Но Брок не отводил взгляда от песчаной отмели. Его рот открывался и закрывался, словно Брок говорил с кем-то, кого видит только он один.

Уилл потянул меня дальше.

– Тюленей считает, – шепнул он мне. – Это его хобби.

– Подсчет тюленей?

– Брока ребенком вынесло сюда, на остров, двадцать лет назад. Мы считаем, что он тогда немного умом тронулся. – И Уилл постучал пальцем по лбу. – Долго плавал по морю один в спасательном жилете.

У меня по спине побежали мурашки.

Второй дом – тот самый, куда лодочник направился в поисках алкоголя в ту ночь, когда прибыли мы с Алексой, – выглядел лучше дома Брока. На окнах занавески с оборочкой. К скамейке прислонена доска с надписью мелом: «В на-

личии почтовые марки, салат и туалетная бумага». Когда мы вошли, звякнул колокольчик.

Внутри действительно находилась барная стойка с тремя табуретами. По стенам тянулись стеллажи, где на полках катушки ниток соседствовали с бумажными носовыми платками и кукурузой в банках. В подставке для зонтиков стояло несколько лопат, кирка и две ракетки для бадминтона.

– Это паб или лавка? – спросила я.

– И то и другое, – ответил рыжеволосый хозяин, которого я сразу и не заметила среди всевозможного хлама.

Он сидел за столом в углу, набивая трубку.

– Тут еще и местное почтовое отделение. Добро пожаловать, вы находитесь «У Финли».

– Здравствуйте, – улыбнулась я. – Меня зовут Эми.

Почему-то хозяин показался мне знакомым.

– Знаю, – сказал он, зажав трубку между зубами. – Новости здесь разлетаются быстро. Я – твой дядя.

Он зажег спичку.

– О! Э-э-э...

Не зная, что ответить, я закусила губу. Алекса и словом не обмолвилась о родном брате.

Уилл обошел комнату, заглянул под стол и за шкафы.

– Сюда сегодня кто-нибудь заходил? – осведомился он.

Финли поднял брови, совсем как Алекса:

– Нет, а что?

Уилл достал из подставки для зонтиков лопату и взвесил

в руке, словно собирался купить.

– Да неважно, – пробормотал он.

Я не знала, как реагировать на слова хозяина магазина о том, что он мой дядя. Почему Алекса никогда не рассказывала о нем? С другой стороны, она хранила в секрете почти все сведения о нашей семье, например отказывалась говорить, кто мой отец. Меня в принципе не должно удивлять, что на острове живут и другие родственники. Одно непонятно: почему Алекса обо всем молчала? Значит, придется все разузнавать самой.

– Сколько людей здесь живет? – спросила я, когда мы с Уиллом снова вышли на солнышко. – На всем острове?

– Мало. Леди Мэйред и мистер Стивенс – в доме Ленноксов. Брок, Финли и еще один тип по имени Хэнк – здесь, в деревне. Бетси, ее няня Мэл и лорд – в замке Макалистеров. Ну и я, конечно, а теперь еще и ты с мамой.

– Ты забыл Глена, Клайда и Дезмонда.

– Они живут в библиотеке.

– Ага.

Итого четырнадцать. Это не просто мало, это ужасно мало. Да в одной нашей многоэтажке народу в пять раз больше. Этот остров действительно находится на краю света и, видимо, как-то влияет на своих обитателей. Одних навсегда приковывает к себе, других изгоняет насовсем, как Алексу.

Я окинула взглядом кожаные сапоги Уилла, его потертые штаны и старый свитер. Представить себе этого юношу в го-

роде вроде Бохума невозможно, как ни старайся.

– Ты вообще когда-нибудь бывал на материке? – спросила я.

– Конечно, – улыбнулся Уилл. – Много раз.

«Яд Чудовища действует скоро.

Судорогой сводит он все нутро своей жертвы, и та становится беззащитной, – поведал Королевский Советник. – И почти всегда он смертелен».

Принцесса вздрогнула.

По следам Белого Кролика

На следующем занятии я снова залезла в «Книгу джунглей», где меня уже ждал Вертер, в коротком плаще из красного бархата и старомодной шляпе. На одном шелковом чулке пошла стрелка из-за впившейся в него колючки. Вертер уже собирался биться с колючим растением за свободу, как я приземлилась.

– Добрый день, госпожа Эми, – поприветствовал меня он. – Я страдаю.

– Знаю, – ответила я. – Читала ваш роман.

– Но сегодня всё особенно плохо. У меня в голове словно лошадь проскакала. – Вертер скорчил гримасу. – Спасибо «Чернильнице». Больше ни ногой в этот кабак. Я вчера чуть не пропустил собственное самоубийство, – воскликнул он с возмущением. – Можете себе представить?

– Не очень, – призналась я. – А сегодня вы чувствуете себя достаточно здоровым, чтобы сопровождать меня?

– Едва ли, – ответил Вертер, с трудом вырываясь из плена колючки.

Чуллок порвался в клочья, обнажив бледную икру, украшенную красными царапинами.

– Но ради юной дамы я готов претерпеть тысячи страда-

ний, – добавил молодой человек.

Шерхан, сидевший в кустах неподалеку, закатил глаза.

– Что ж, ладно, – сказала я. – Кстати, я вот думаю, что на «Строку» вчера уже нагляделась. Лучше пойдем в «Алису в Стране чудес» да посмотрим, все ли там наладилось. Вы согласны?

– Ваше желание для меня закон. – Вертер поклонился.

Он предложил мне руку, я ее подхватила. Передвигаться таким образом по густым джунглям оказалось практически невозможно, мне сразу же захотелось высвободиться. Но Вертер мою руку прижимал очень крепко. Как истинный джентльмен, он настоял на том, что поведет меня неизведанными путями. Потому мы постепенно спотыкались о корни и кустики или, едва уместаясь на узкой тропинке, наступали друг другу на пятки. Но все же добрались до края книги. И под указателем на перекрестке свернули налево.

Долго идти не пришлось, песчаную тропинку очень скоро сменила выложенная плиткой садовая дорожка, которая вывела нас на лужайку. По обеим сторонам виднелись клумбы с яркими цветами, в воздухе царило благоухание летнего дня. Где-то впереди раздавалось тихое журчание. Мы с Вертером прошли под заросшей розами аркой, за которой дорожка оборвалась так же резко, как и началась. Сад пересекал ручей, на берегу сидели две девочки в платьях с фартучками. Одна читала книгу и, казалось, не заметила нашего приближения. Другая, в венке из маргариток, увидев нас,

залилась слезами.

– Я его снова пропустила, – всхлипывала она, а кошка на ее коленях мяукала так, что разрывалось сердце. – Белый Кролик просто больше не пробегает мимо. Или пробегает тогда, когда я не вижу.

– Ну-ну, любезная моя Алиса... – С этими словами Вертер достал носовой платок.

Малышка высморкалась.

– Может быть, Белый Кролик заболел? – спросила я. – Ты пробовала его поискать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.